

Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72 (2008)

Wiemer, B. und V.A. Plungjan (Hg.). *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen* (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 72). München - Wien 2008. S. 239-284.

Maksim Makarcev

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе предполагается рассмотреть некоторые болгарские лексемы *sub specie* категории эвиденциальности (далее – КЭ) и выявить их связь с грамматическими показателями эвиденциальности (т.н. *преизказни форми*, далее – ПФ¹).

Материал исследования – новоболгарская художественная литература (начиная с 1878) и современный болгарский разговорный язык.²

¹ Данное определение принимается в качестве рабочего, поскольку ПФ могут выражать широкий спектр значений. Едва ли было бы верным решением настаивать на том варианте названия, которое раскрывает только один аспект употребления, но общепринятый термин для их обозначения до сих пор не выработан. Термин, предложенный Х. Аронсоном – *non-confirmative*, ‘неконфирматив’ как кажется, наиболее соответствует тому, что мы наблюдаем в болгарском языке, но в русскоязычной научной литературе он до сих пор не получил распространения.

По той же причине непересказывательные формы («свидетельские», или *confirmative*, ‘подтверждающие’) обозначаются как не-ПФ, и там, где необходимо, дается спецификация по Ю.С. Маслову (см. таблицу I в настоящей статье).

² Для анализа мной был создан электронный корпус языка болгарской литературы, начиная с 1878 г. (список источников см. в приложении) объемом в 803 750 словоупотреблений (4 510 000 знаков, количество словоупотреблений в каждом источнике округлялось до десятков, количество знаков – до сотен). Он был разделен на 3 периода – литература от освобождения Болгарии до Первой мировой войны, межвоенная литература и литература второй половины XX – начала XXI века. Разговорный болгарский язык исследовался по болгарскому Brown Corpus (далее – BC), созданному Секцией компьютерной лингвистики Института болгарского языка им. Л.Андрейчина (количество словоупотреблений 1 001 286). Корпус включает в себя 500 текстов, созданных или опубликованных первым изданием после 1990 года (основная часть – после 2000 года). Создатели корпуса указывают на три спорных момента («1. Доколко корпусът е актуален за 2005 година (годината на неговото създаване). 2. Доколко критериите се отнасят към текстовете на български. 3. Доколко печатните текстове и електронните текстове се вместиат в едни и същи категории» и т.д. [Употреба 2008]), из которых для настоящей работы наиболее актуален второй. Дело в том, что в основу болгарского корпуса был положен одноименный корпус американского варианта английского языка, разработанный Brown University

Количество языков, в которых находят грамматические показатели для категории эвиденциальности, непрерывно возрастает, и, по подсчетам А. Айхенвальд, достигло четверти от общего числа мировых языков.³ Наблюдения над языками, грамматически оформляющими эвиденциальность, позволили под новым углом зрения взглянуть на те языки, где она традиционно не выделялась в качестве отдельной категории (английский, немецкий, польский, русский, французский и т.д.), и подтолкнули к тому, чтобы привлечь к исследованиям лексический инвентарь, позволяющий указать на опосредованность информации. Это с неизбежностью приводит к тому, чтобы обратиться к роли лексических показателей эвиденциальности (далее – ЛПЭ) в языках с грамматикализованной эвиденциальностью, одним из которых является болгарский.

В качестве рабочего определения принимается следующее: «Эвиденциальность – ... область рамочных значений, представляющих собой указание на источник сведений: говорящий сообщает о событии, основываясь на сообщении какого-либо другого лица, на снах (сведения, полученные путем откровения), на догадках (предположительные сведения) – косвенная засвидетельствованность – или на собственном

(Providence, Rhode Island, USA) в середине 60-х годов XX века. J. Sinclair [Sinclair 1996] отмечает ряд особенностей корпуса Brown из перспективы конца XX столетия, объясняя одно из спорных исходных положений следующим образом: “[It] is regarded as unfortunate for a model although understandable in its historical context.” Очевидно, это можно распространить и на некоторые другие исходные положения. К концу XX столетия были предложены новые концепции создания корпусов, например *rate of flow* ‘объем потока; определенный объем, через который протекает поток данных’ (“Instead of setting, say, 10 million words as the proper proportion of that genre, the setting could just as easily be 10 million words a year. Or a month, or a week. The language would flow through the machine, so that at any one time there would be a good sample available, comparable to its previous and future states” [Ibid., 1996]), которые пока что не учитываются при создании общедоступного корпуса болгарского языка.

Анализ проводится на всем материале, хотя по причине объема в работе пришлось ограничиться избранными примерами. Кроме того, не последнюю роль в употреблении ПФ играет индивидуальный стиль писателя и жанр произведения. Наибольшее количество примеров в работе взято из книги З. Стоянова «Записки по български въстания» (всего 10): поскольку значительную часть в ней занимает изложение свидетельств и рассказов очевидцев, то и употребление несобственной речи в ней встречается гораздо чаще, чем в других произведениях. В большинстве своем эти случаи достаточно яркие и позволяют точнее показать поведение ПФ в сочетании с ЛПЭ.

³ “Grammatical evidentiality is not a terribly frequent phenomenon; it is only found in about 25 per cent of the world languages” [Aikhenvald 2004, 17].

Лексические и грамматические показатели эвиденциальности

прошлом опыте (сведения, извлекаемые из памяти) – прямая засвидетельствованность» [Козинцева 1994, 92]. Или, если формулировать это другим образом: эвиденциальность есть грамматическая категория, содержащая в себе указание на наличие/отсутствие промежуточных звеньев в процессе передачи информации от источника к адресату, появляющаяся на предпоследнем звене процесса.

Эвиденциальность и балканская модель мира

Кажется целесообразным проводить анализ эвиденциальности в болгарском языке в контексте балканского языкового союза и балканской модели мира: и балканская языковая матрица и «балканское мировосприятие», отраженное в балканской модели мира (построенной на системе бинарных оппозиций, из которых наиболее важными при анализе семантики эвиденциальности традиционно считаются ‘свой – чужой’, ‘внутренний – внешний’, ‘ближний – дальний’), влияют на способ отражения действительности в языке и в порождаемых посредством этого языка текстах. Показательно, что при объяснении специфики употребления ПФ носители языка прибегают к понятию большей / меньшей дистанцированности, ср.: «Ти говориш *каза*, все едно че сега са тук; ето сега го *каза*. *Казал* е съвсем друго нещо» ‘Ты говоришь *каза*, <это> все равно как <если бы они> сейчас были здесь; вот сейчас <он> это *каза* (сказать.АОР.Ш.ЕД). *Казал* (сказать.ПНІ.Ш.ЕД) – нечто совсем другое’ (из разговора, 19.07.2007). Это позволяет определить взаимоотношения человека и порождаемого им текста, что можно сопоставить с ролью артикля по отношению к описываемым действиям (и в частности, в случае Балкан, системы пространственных артиклей, ср. тройной артикль в македонском (*жената – женава – женана*), в болгарских диалектах (напр., родопск. *женáтa – женáса – женáна*, трынск. *женáта – женáва – женáна*); ср. также дейктический плеоназм именной системы в целом в парадигматическом (усложненная система артиклей и сосуществование кратких и полных форм местоимений) и синтагматическом плане (местоименная реприза, одновременное употребление сразу двух артиклей и формирование длинных цепей дейктических элементов в предложении) [Цивјан 1987, 122].⁴

Иными словами, здесь может быть заложена связь эвиденциальности с категорией определенности/неопределенности, которая в балканских языках (но и не только в них) распространяется и на систему глагола.

⁴ Собственно, КЭ уже достаточно давно рассматривается как категория, близкая к дейксису; см., например, работы [Dwyer 2000; de Haan 2005; Schlichter 1986].

Эвиденциальность и связанные с ней грамматические категории

Для ясности изложения необходимо разграничивать на уровне интерпретации *эвиденциальность* и *эпистемическую модальность* (далее – ЭМ). В отличие от эвиденциальности, эпистемическая модальность – это категория, которая указывает на степень достоверности сообщаемой информации с точки зрения говорящего (ср. [de Naan 1999, 2]). В болгарском, как и во многих других языках, ЭМ и эвиденциальность тесно связаны, подробнее об этом см. статьи В.С. Храковского и П. Кехайова (наст. сборник). Так, обе категории могут передаваться при помощи ПФ в зависимости от ряда факторов, например, контекста. Несмотря на то, что настоящая работа посвящена связи ПФ с лексическими показателями *эвиденциальности*, в ряде случаев оказалось невозможным разделить эвиденциальность и эпистемическую модальность. Поэтому, рассматривая ПФ *sub specie* эвиденциальности, иногда для правильной интерпретации необходимо взглянуть на сообщаемую информацию с точки зрения ее оценки говорящим (= ЭМ).

Возникновение в болгарском языке грамматикализованной эвиденциальности привело к тому, что существовавшие до этого глагольные парадигмы включились в новую систему оппозиций: унаследованные от более ранних стадий развития языка времена индикатива стали обозначать *прямую эвиденциальность*, а ПФ и подобные им формы, возникшие на основе перфекта, стали передавать *косвенную эвиденциальность* (в частности, *репортативность*), *дубитативность*, *конклюзивность* и *адмиративность*. В.С. Храковский считает, что все формы этих грамматических категорий входят в систему эвиденциальных форм. Достаточно спорное утверждение, поскольку если мы принимаем, что непременным семантическим компонентом эвиденциальности является указание на источник информации, то дубитативность и конклюзивность окажутся на периферии категории (поскольку основной семантический признак дубитативности – сомнение и недоверие к сообщаемой информации, а конклюзивности – умозаключение как способ получения информации). Адмиративность (основной семантический признак – неожиданность информации) и вовсе будет находиться за ее рамками. В данной работе производится попытка рассмотреть т о л ь к о эвиденциальные лексические показатели.

Не менее важным вопросом является статус эвиденциальности в болгарском языке: является ли она, например, наклоном, или все же чем-то другим? В болгарской грамматической традиции ПФ рассматриваются как формы особого пересказывательного наклона (*преизказно наклонение*; первым эту точку зрения высказал Т. Шишков в 1872 г., его позицию разделяли Ал. Теодоров-Балан, Л. Андрейчин, Ст.

Стоянов, из русских исследователей – Ю.С. Маслов). Й. Трифионов считал, что «лучше всего принять, помимо вида, наклонения и под. еще одну категорию – восприятость/невосприятость действия» [Трифионов 1905, 190], тем самым подходя к концепции, возобладавшей в последней четверти XX века в западной науке. Е.И. Демина и Св. Иванчев позднее разрабатывают идею об оппозиции первичных и вторичных наклонений в болгарском языке (например, в своей работе 1959 г. Е.И. Демина выделяет в болгарском два повелительных наклонения, два изъявительных (первичное (в наших терминах – нейтральные формы) и вторичное, «которое разделяется на два коррелятивных ряда форм, различающихся между собой по признаку отношения говорящего к данному утверждению о действии» [Демина 1959, 360], в наших терминах – репортатив и дубитатив), и допускает возможность говорить о существовании вторичного условного наклонения).

Й. Пенчев предлагает считать ПФ носителем особой грамматической категории, в основе которой будут лежать две оппозиции: свидетельское – несвидетельское отношение и личное – неличное утверждение. В. Станков делит индикатив на три модальные разновидности: времена личного высказывания, времена пересказа и времена нейтрального высказывания и указывает, что глагольную категорию, передаваемую этими тремя рядами форм лучше назвать не наклонением, а способом высказывания (*начин на изказване*). Г. Герджиков рассматривает ПФ в рамках четырехчленной категории «модус высказывания», построенной на двух оппозициях: непересказ/пересказ и несубъективность/субъективность, что позволяет ему рассматривать sub specie одной категории четыре ряда форм: непересказывательные несубъективные (напр., имперфект, *ходеше*), пересказывательные несубъективные (репортатив имперфекта, *ходел*), непересказанные субъективные (конклюдив, *ходел е*), пересказывательные субъективные (дубитатив имперфекта, *бил ходел*). Ив. Куцаров считает, что ПФ вместе с не-ПФ формируют особую категорию «вид высказывания», выделяя, соответственно, два вида: пересказ и непересказ.

Все эти точки зрения можно сгруппировать следующим образом: либо эвиденциальность является наклонением, либо особой грамматической категорией, существующей наравне/параллельно с наклонением. Вторая точка зрения представляется наиболее оправданной. Соответственно, в применении к индикативу мы можем говорить о ПФ и о не-ПФ индикатива, а также о нейтральных формах (ср. [Станков 1967, 332-333]).

Формы категории эвиденциальности

Если на уровне семантики, в чистом виде, все вышеописанные категории могут быть разграничены достаточно четко, то этого нельзя сказать про их

формы, поскольку все они построены при помощи минимального количества элементов. Поэтому в некоторых случаях пересекаются сразу несколько категорий.

Всего у болгарского глагола в академической грамматике выделяется шесть грамматических категорий: лицо, число, залог, вид, время и наклонение, из которых релевантны для категории эвиденциальности три последних.⁵ Академическая грамматика в качестве основных особенностей болгарской глагольной системы, отделяющих его от других славянских языков, не входящих в балканский языковой союз, выделяет две: «хорошо развитая система для выражения категории времени» и «специальное (пересказывательное) наклонение для выражения несвидетельской модальности» [Стоянов 1983, 209],⁶ а из сочетания этих двух особенностей и возникает особая ситуация с болгарскими ПФ, на которой я остановлюсь далее.

В темпоральном плане в болгарском языке существует три времени: прошедшее, настоящее и будущее. У прошедшего и будущего выделяются несколько аспектов. Наибольшее количество форм глагольных времен – у индикатива (всего 9):

- настоящее время (*пиша, пише*⁷ ‘писать’);
- будущее: будущее простое (*ще пиша, ще пишеш*) и будущее предварительное (*ще съм писал, щеше да е писал*);
- прошедшее: аорист (*писах, писа*), имперфект (*пишех, пишеше*), перфект (*писал съм, писал е*), плюсквамперфект (*бях писал, беше писал*), будущее в прошедшем (*щях да пиша, щеше да пише*), будущее предварительное в прошедшем (*щях да съм писал, щеше да съм писал*).

Настоящее, аорист и имперфект являются синтетическими формами. Синтетической формой также является л-причастие (*писал*), особая нефинитная форма, которая может употребляться независимо в

⁵ В работе не рассматривается вопрос о ПФ страдательного залога и о проблеме категории лица в связи с эвиденциальностью.

⁶ Здесь я не говорю о корректности терминологии академической грамматики; в частности, насколько правомерно говорить о том, что эвиденциальность является особым наклонением.

⁷ По устоявшейся традиции из всей личной парадигмы каждого из времен приводится только форма I лица ед. ч. (по которой восстанавливаются формы I л. мн.ч. и II л. ед. и мн. ч.) и III лица ед.ч. м.р., (по которой восстанавливается форма III лица мн.ч.). Инфинитив в болгарском языке не сохранился в качестве отдельной глагольной категории (хотя есть случаи, когда допустимо использование т. наз. усеченного инфинитива в составе некоторых форм).

Лексические и грамматические показатели эвиденциальности

качестве определения, входящая в качестве одного из элементов в состав будущего предварительного, перфекта, плюсквамперфекта, будущего предварительного в прошедшем. *Л*-причастие может быть как совершенного вида (*писал*), так и несовершенного (*пишел*, специфическая болгарская инновация, неизвестная другим славянским языкам).

Аналитические формы времен образуются при помощи следующих элементов:

- *съм* / *бях* – спрягаемый вспомогательный глагол ‘быть’, используется для образования будущего предварительного, перфекта и будущего предварительного в прошедшем;
- *ще* / *щях* – частица, участвующая в образовании будущего и будущего предварительного; восходит к глаголу *хотѣти* ‘хотеть’;
- *да* – связующий элемент, вводящий т. наз. балканский конъюнктив (соотв. албанск. *te*, греческ. *va*, румынск. *să*).

В 1984 г. Ив. Куцаров составил список ПФ, которые возможно образовать в болгарском языке, насчитав 18 форм:

- **индикатив:** (1) имперфект / настоящее время (*пишел съм, пишел*); (2) аорист (*писал съм, писал*); (3) перфект/плюсквамперфект (*бил съм писал, бил писал*); (4) будущее/будущее в прошедшем (*щял съм да пиша, щял да пиша*); (5) будущее предварительное/будущее предварительное в прошедшем (*щял съм да съм писал, щял да е писал*);
- **императив:** (6) простой императив (*нека (да) съм пишел, нека (да) пишел*); (7) дубитативный императив (*да съм бил пишел, да бил пишел*);
- **конъюнктив:** (8) имперфект/настоящее время (*писвал съм, писвал*); (9) дубитативный имперфект/настоящее время (*бил съм писвал, бил писвал* – эти формы нигде не были засвидетельствованы, что вызывает у Ив. Куцарова сомнения в их существовании [Куцаров 1984, 12], см. ниже сноску 9);
- **конклюдив:** (10) имперфект/настоящее время (*бил съм пишел, бил пишел*), эти формы также выражают дубитатив имперфекта/настоящего времени индикатива; (11) будущее/будущее в прошедшем (*щял съм бил да пиша, щял бил да пише*), эти формы также выражают дубитатив будущего/будущего в прошедшем индикатива; (12) будущее предварительное/будущее предварительное в прошедшем (*щял съм бил да съм (бъда) писал, щял бил да е (бъде) писал*), эти формы также выражают дубитатив будущего

предварительного/будущего предварительного в прошедшем индикатива.⁸

Ив. Куцаров объединяет в своей классификации форму и ее значение (обозначающее и обозначаемое), что на мой взгляд лишает изложение четкости. Тем не менее, в его схеме, как кажется, представлены все ПФ, возможные в болгарском языке.

Представим классификацию Ив. Куцарова в виде таблицы. В ее основу положена таблица, составленная Ю.С. Масловым [Маслов 1956, 254]. Маркированность по эвиденциальности пронизывает значительную часть форм. Так, настоящее время индикатива, перфект и плюсквамперфект всегда немаркированы по эвиденциальности и могут употребляться независимо от того, был ли говорящий свидетелем, или нет. Аорист и имперфект часто называют свидетельскими временами, поскольку их употребление значительно ограничено в контекстах, где у говорящего не было непосредственного доступа к информации.⁹ Вне таблицы остались формы репортативного императива (да/нека съм пишел, да/нека пишел) и дубитативного императива (да съм бил пишел, да бил пишел); они заслуживают отдельного рассмотрения. Также в таблицу не включены формы репортативного опатива (прошедше-настоящее III: писвал съм, писвал), образованные от особой периферийной формы опатива, появившейся в XVII-XVIII вв. в ряде восточных болгарских говоров (с суффиксами -ям, -вам, -ам, например, пиша → писвам 'я хочу / готов писать', ям → ядвам 'я хочу / готов есть' и др.).¹⁰

⁸ Под 13 номером Ив. Куцаров рассматривает устаревшие формы типа *ще съм пишел, ще пишел*, равные по значению формам из п. 4 и нерелевантные для настоящей классификации. Под номерами с 14 по 18 идут формы страдательного залога, которые я здесь не привожу.

⁹ Ср., например, следующий диалог не-носителя (А.) и носителя (В.): А.: «*Преди Първата Балканска война българския цар и сръбския крал се уговориха (Аор.) за подялбата на територията на Македония*». В.: «*Не можеш да кажеш "уговориха се", щото не си бил там и не си го виждал! Кажи "уговорили са се" (Перф.)*» (из разговора 7.01.2007; 'Перед Первой Балканской войной болгарский царь и сербский король договорились (*се уговориха*) о том, как поделить территорию Македонии' – 'Ты не можешь сказать «*уговориха се*», потому что ты там не был и этого не видел! Скажи «*уговорили са се*»').

¹⁰ Этот вид опатива академическая грамматика сдержанно называет «друг тип формы за условно наклонение (срещани в народната реч)» [Грамматика 1983, 369]; ср. это с названием основной парадигмы конъюнктива «нормалните форми за условното наклонение» (там же).

Таблица I. ПФ в болгарском языке

	Не-ПФ индикатива	Репортатив ¹¹	Дубитатив ¹²
настоящее	<i>пиша, пише</i>	прошедше- настоящее I <i>пишел съм, пишел</i>	прошедше-настоящее II <i>бил съм пишел, бил пишел</i>
имперфект	<i>пишех, пишеше</i>		
аорист	<i>писах, писа</i>	прошедшее I ¹³ <i>писал съм, писал</i>	прошедшее II <i>бил съм писал, бил писал</i>
перфект	<i>писал съм, писал е</i>		
плюсквам- перфект	<i>бях писал, беше писал</i>		
будущее	<i>ще пиша, ще пише</i>	будущее I <i>щял съм да пиша, щял да пише</i>	будущее II <i>щял съм бил да пиша, щял бил да пише</i>
будущее в прош.	<i>щях да пиша, щеше да пише</i>		
будущее предвари- тельное	<i>ще съм писал, ще е писал</i>	будущее предварительное I ¹⁴ <i>щял съм да съм писал, щял да е писал</i>	будущее предварительное II <i>щял съм бил да съм писал, щял бил да е писал</i>
будущее предвари- тельное в прош.	<i>щях да съм писал, щеше да е писал</i>		

¹¹ У Ю.С. Маслова «нейтральное» пересказывание.

¹² Формы дубитатива Ю.С. Маслов рассматривает как ПФ, называя их формами «недоверчиво-неодобрительного пересказывания».

¹³ Отличается от перфекта изъявительного наклонения только отсутствием глагола-связки *съм* в третьем лице.

¹⁴ Ив. Куцаров указывает: «Они встречаются исключительно редко, и некоторые авторы даже исключают их из системы пересказывательных форм. Однако, большинство исследователей отмечают эти формы, так как, хотя они и редко употребляются, но не противоречат языковому чувству носителя болгарского языка» [Куцаров 1984, 10]. Далее он справедливо отмечает, что редкость некоторых форм обусловлена сложностью темпоральных отношений, которые они выражают.

Выделим основные формальные элементы, которые участвуют в образовании ПФ.

- *съм* / *бил*;
- *да*;
- *л*-причастная форма спрягаемого глагола;
- *цял*.

При помощи этого ограниченного инвентаря образуется все богатство ПФ болгарского языка. На основании таблицы можно показать, как основной способ образования ПФ и дубитатива сводится к простому алгоритму:

Сравним аорист, прошедшее I и прошедшее II: *писах*, *писа* (не-ПФ аориста) – *писал съм*, *писал* (ПФ; прошедшее I) – *бил съм писал*, *бил писал* (дубитатив; прошедшее II); каждая последующая форма образуется путем добавления нового вспомогательного глагола; при этом форма предыдущей степени преобразовывается в *л*-причастие по схеме $y \rightarrow f(y) \rightarrow f(f(y))$, где y – глагол в одной из не-ПФ индикатива, а f – вспомогательный глагол, который переводит y в форму *л*-причастия. Это можно представить в другом виде: синтетическая форма (не-ПФ) \rightarrow *л*-причастие + спрягаемый глагол *съм* \rightarrow *бил* (*л*-причастие глагола *съм*) спрягаемый глагол *съм* + *л*-причастие.¹⁵ С некоторыми изменениями это действительно для всех форм, находящихся в одной строке таблицы.

Носители болгарского языка шутят по этому поводу, говоря, что в болгарском существует еще одно время, неизвестное школьным учебникам – *минало незапомнено* (иногда его также называют *десетото време на българския глагол*), приводя такой пример:

(1)	<i>Бил</i>	<i>съм</i>	<i>се</i>	<i>бил</i>	<i>напил</i>
	быть.Л-ПРИЧ	быть.І.ЕД	ВОЗВР	быть.Л-ПРИЧ	пить.Л-ПРИЧ
	'Я якобы напился.' ¹⁶				

Этот случай можно изобразить как $f(f(f(y)))$. Вопрос о том, сколько степеней пересказа в принципе допустимо, остается открытым, однако носители языка затрудняются подобрать пример, в котором было бы больше степеней, чем в (1).

Еще раз обратим внимание на то, что при помощи несложного алгоритма, о котором уже шла речь, ПФ могут быть с легкостью образованы на базе практически любой болгарской финитной формы,

¹⁵ В третьем лице *съм* чаще всего опускается.

¹⁶ Оговорюсь, что перевод примеров во многих случаях не полностью грамматически адекватен оригиналу.

Лексические и грамматические показатели эвиденциальности

поэтому разговор о составе ПФ неизбежно связан с проблемой инвентаря болгарских грамматических категорий, что с самого начала дает возможность множественности взглядов. Кроме того, именно в легкости этого алгоритма надо искать истоки проблемы гелертерских форм болгарского языка. Так, (1) – форма, гелертерская *rag excellence* (она образуется только от одного глагола и всегда обозначает единственную ситуацию). У нее есть все формальные признаки для того, чтобы попробовать представить ее в качестве примера особой грамматической категории болгарского языка – *форгетива*. При этом в том, что касается формальной стороны, для ее выделения будет больше оснований, чем для формального разграничения перфекта, прошедшего I и прошедше-настоящего I.¹⁷ Другое дело – необходимость этого.

Рассмотрим, какие ПФ и формы дубитатива формально не различаются. В Таблице II слева приводятся названия форм и сами формы, а справа – значения, которые они могут получать:

¹⁷ О проблеме, возникающей в связи с этими формами, см. далее.

Таблица II. Омонимия ПФ и дубитатива в болгарском языке

Будущее I	ПФ	
<i>щял съм да пиша, щял да пише</i>		<ul style="list-style-type: none"> • будущего; • будущего в прошедшем.
Будущее II	Дубитатив	
<i>щял съм бил да пиша, щял бил да пише</i>		<ul style="list-style-type: none"> • будущего; • будущего в прошедшем.
Будущее предварительное I	ПФ	
<i>щял съм да съм писал, щял да е писал</i>		<ul style="list-style-type: none"> • будущего предварительного; • будущего предварительного в прошедшем.
Будущее предварительное II	Дубитатив	
<i>щял съм бил да съм писал, щял бил да е писал</i>		<ul style="list-style-type: none"> • будущего предварительного; • будущего предварительного в прошедшем.
Прошедше-настоящее I	ПФ	
<i>пишел съм, пишел</i>		<ul style="list-style-type: none"> • настоящего; • имперфекта.
Прошедше-настоящее II	Дубитатив	
<i>бил съм пишел, бил пишел</i>		<ul style="list-style-type: none"> • настоящего; • имперфекта.
Прошедшее II	1) ПФ	
<i>бил съм писал, бил писал</i>		<ul style="list-style-type: none"> • перфекта; • плюсквамперфекта.
	2) Дубитатив	
		<ul style="list-style-type: none"> • аориста; • перфекта; • плюсквамперфекта.

Можно предложить несколько способов интерпретации омонимии ПФ и дубитатива.

Чтобы объяснить элиминирование признака относительность /неотносительность у ряда времен, которые имеют одну общую ПФ, Г. Герджиков прибег к понятию компенсации значений, которое восходит к 37-ой универсалии Дж. Гринберга («Ни в одном неединственном числе не может быть больше категорий рода, чем в единственном») (см. [Герджиков 1984, 191]). По словам Герджикова, «во всех модусах высказывания, маркированных в некотором отношении, снимается оппозиция между абсолютными и относительными временами (*директни и индиректни*

времена)» [Герджиков 1984, 193], поскольку чем более маркирован член грамматической оппозиции, тем меньше нерелевантных для оппозиции грамматических показателей он имеет.

Что же касается прошедшего II, которое совмещает в себе значения как минимум пяти форм (ПФ и дубитатива), помимо совпадения форм абсолютных и относительных времен, ожидаемая форма дубитатива перфекта / плюсквамперфекта **бил съм бил писал, бил бил писал*, очевидно, подверглась сокращению из-за своей громоздкости (в третьем лице этой гипотетической формы подряд шли бы три *л*-причастия!). Собственно, пример (1) может представлять собой именно такую форму.

Помимо этого, различия между еще несколькими формами пренебрежимо малы:

- Формы, образованные по модели «*л*-причастие основного глагола + вспомогательный глагол *съм*»: перфект изъявительного наклонения (*писал съм, писал е*), прошедше-настоящее I (*пишел съм, пишел*), прошедшее II (*писал съм, писал*). Они отличаются по двум параметрам: (1) наличию/отсутствию вспомогательного глагола *съм* в третьем лице (соотв., перфект немаркированного индикатива vs. прошедше-настоящее I и прошедшее I) и (2) использованием *л*-аористного причастия совершенного вида / использованием *л*-имперфектного причастия несовершенного вида (соотв., изъявительный перфект и прошедшее I vs. прошедше-настоящее I).¹⁸
- Формы, образованные по модели «*бил съм* + *л*-причастие»: прошедше-настоящее II и прошедшее II. Разница между ними сводится к основе причастия: при образовании прошедше-настоящего II используется *л*-имперфектное причастие несовершенного вида, а при образовании прошедшего II – *л*-аористное причастие совершенного вида.

В качестве примера представим в виде сводной таблицы перфект, прошедшее I и прошедшее-настоящее I:

¹⁸ К перечисленным формам примыкает репортативный конклюдив настоящего и имперфекта. В нем причастие основного глагола образовано от основы синтетической формы оптатива (*писвам* → *писвал*). Но в настоящей работе эти формы не рассматриваются.

Таблица III. Перфект и ПФ

Единственное число

	Перфект	Прошедшее I	Прошедшее-настоящее I
Ед.ч. I	<i>писал съм</i>		<i>пишел съм</i>
II	<i>писал си</i>		<i>пишел си</i>
III	<i>писал е</i>	<i>писал</i>	<i>пишел</i>

Множественное число

	Перфект	Прошедшее I	Прошедшее-настоящее I
Мн.ч. I	<i>писали сме</i>		<i>пишели сме</i>
II	<i>писали сте</i>		<i>пишели сте</i>
III	<i>писали са</i>	<i>писали</i>	<i>пишели</i>

Л. Андрейчин (1949, 200) пишет, что вспомогательный глагол опускается всегда, за исключением так называемой «констатации действия», когда описывается некоторое состояние, актуальное на настоящий момент («Полето пусто, Път кален и безкраен... Небето се схлупило над земята...» 'Пустое поле. Грязная бесконечная дорога... Небо низко нависло над землей' [Андрейчин 1974, 537]). В. Фридман указывает на случаи, которые противоречат этой генерализации (напр., [2001, 11-13], там же см. обсуждение и ссылки на литературу). Г. Филдер приходит к выводу, что наличие/отсутствие вспомогательного глагола в III л. ед. ч. указывает не на отсутствие/наличие источника информации и не на отношение говорящего, но является всего лишь прагматическим средством, указывающим на нарративную перспективу [Fielder 1995; 1996, 216; 1997, 177-179; Friedman 2000, 334; см. также Levin-Steinmann 1999; 2004], и не может восприниматься как основание для выделения прошедшего I в особую парадигму. Не решен и вопрос о том, является ли таким основанием разница в основах причастий: аористная (но и в некоторых случаях имперфектная!) основа перфекта vs. равноправие аористной и имперфектной основ в ПФ (едва ли стоит говорить о том, что у значительного количества глаголов перфектная и аористная основы не различаются).

Совпадение I и II лица перфекта и ПФ затрудняет в некоторых случаях решение того, имеем ли мы дело в данном случае с немаркированным перфектом индикатива или ПФ аориста; часто даже консультация с носителем языка не облегчает задачи. Трудности усугубляются и тем, что формы перфекта (со вспомогательным глаголом в III лице) также могут

Лексические и грамматические показатели эвиденциальности

употребляться как ПФ,¹⁹ ср. (формы перфекта в значении ПФ выделены):

- (2) **Казват**, че цар Борис III Хитлер го е отровил (ПЕРФ.Ш.ЕД): качили са (ПЕРФ.Ш.МН) го на един самолет и са го вдигнали (ПЕРФ.Ш.МН) много високо, където въздуха е разреден. Царят е имал (ПЕРФ.Ш.ЕД) слабо сърце и се е почувствал (ПЕРФ.Ш.ЕД) лошо, и тогава са му дали (ПЕРФ.Ш.МН) отровата.

‘Говорят, что царя Бориса III отравил Гитлер: его посадили на самолет и подняли на большую высоту, туда, где воздух был разрежен. У царя было слабое сердце, он почувствовал себя плохо, и тогда ему дали яд’ (из разговора, 19.07.07).²⁰

Необходимо остановиться также на особых перфектоидных формах болгарского языка. Отметим, что у них сходный механизм образования:

- адмиратив (*писал съм, писал*) – образуется по модели ‘л-причастие + съм’, при этом его отличие от перфекта сводится к тому, что в третьем лице *съм* регулярно опускается. Впрочем, этот же признак характерен и для ПФ. Ив. Куцаров считает адмиратив особым периферийным употреблением ПФ. Интересно, что в адмиративе используется ограниченный круг глаголов: 88% всех употреблений приходится на глагол *съм* (напр., *Та ти си бил жив!* ‘Так ты, оказывается, живой!’). 11% приходится на глагол *имам* ‘иметь’, и 11% – на все остальные глаголы [Куцаров 1984, 69];
- конклюдив (*писал съм, писал е*) – образуется по той же модели, в третьем лице вспомогательный глагол не опускается. Различия между конклюдивом и перфектом – в типе основы: у перфекта, согласно традиционным взглядам, она может быть только аористная, а у конклюдива аористная и имперфектная основы равноправны.

Здесь мы имеем дело с ситуацией, когда для обоснования существования отдельных грамматических парадигм выбираются нерелевантные признаки.

¹⁹ Для передачи информации о незасвидетельствованных, но заслуживающих доверия событиях.

²⁰ В примерах грамматическими комментариями снабжены только отдельные части, релевантные для настоящего исследования.

Инвентарь лексических показателей эвиденциальности

А. Айхенвальд выделяет следующие семантические параметры эвиденциальности, релевантные для типологического описания этой категории в языках мира (в квадратных скобках указаны варианты перевода, принятые в настоящей работе):

I. VISUAL	which covers evidence acquired through seeing [визуальность];
II. SENSORY	which covers evidence through hearing, and is typically extended to smell and taste, and sometimes also touch [сенсорность];
III. INFERENCE	based on visible or tangible evidence or result [инферентив];
IV. ASSUMPTION	based on evidence other than visible results: this may include logical reasoning, assumption, or simply general knowledge [конклюдив];
V. HEARSAY,	for reported information with no reference to whom it was reported by [репортатив]; and
VI. QUOTATIVE,	for reported information with an overt reference to the quoted source [цитатив]. ²¹

[Aikhenvald 2004, 367]

В ее работе языки классифицируются соответственно распределению этих параметров на уровне грамматики (выделяется четыре типа схем – с двумя (A), тремя (B), четырьмя (C) и пятью (D) параметрами. Далее в каждом типе выделяются виды: (напр., A1: Firsthand and Non-Firsthand; A2: Non-firsthand vs. ‘everything else’; A3: Reported (or ‘hearsay’) vs. ‘everything else’; A4: Sensory evidence and Reported; A5: Auditory vs. ‘everything else’; B1: Direct (or Visual), Inferred, Reported; B2: Visual, Non-visual sensory, Inferred; B3: Visual, Non-visual sensory, Reported; B4: Non-visual sensory, Inferred, Reported; B5: Reported, Quotative, and ‘everything else’; C1: Visual, Non-visual sensory, Inferred, Reported; C2: Direct, Inferred, Assumed, Reported; C3: Direct, Inferred, Reported, Quotative; D1: Visual, Non-visual sensory, Inferred, Assumed, and Reported).

А. Айхенвальд относит славянские языки, входящие в балканский языковой союз, к A1, в котором грамматически разграничиваются только первичная и вторичная информация (Firsthand vs. Non-firsthand). К этому состоянию они пришли от A2 (Non-firsthand vs. ‘everything else’), изначально же КЭ была в них эвиденциальной стратегией (ср. [Aikhenvald 2004, 40], с ссылкой на [Friedman 2003, 212]). Из этого следует, что

²¹ Я не буду отделять цитатив, вводящий точные слова того, чьи слова пересказываются, от репортатива, в первую очередь потому, что рассмотрение прямой речи не входит в задачи, поставленные в статье.

Лексические и грамматические показатели эвиденциальности

типологически КЭ в болгарском и македонском устроена так же, как и в некоторых индейских языках Северной и Южной Америки, северо-западно-кавказских (напр., годоберинском, цезском и реконструированном протонахском), финно-угорских (марийском, коми, удмуртском) и тибетском [Aikhenvald 2004, 26-29]. Из индоевропейских языков этим же типом характеризуются дардские языки.

Тем самым задаются некоторые общие рамки, которые можно корректировать для каждого языка с учетом его индивидуальных особенностей. Если мы обратимся к лексическому инвентарю эвиденциальности в болгарском, то увидим, что, несмотря на то, что на уровне грамматики болгарский язык дает не так много степеней свободы для построения грамматически правильных предложений (с лихвой компенсируя это свободой толкования каждого из них), на уровне лексики в нем можно найти показатели для каждого из указанных семантических параметров (что позволяет определять поле поиска смыслов).

Кроме того, ряд употреблений показывает, что для описания семантики рассматриваемых лексем возможно было бы ввести еще несколько семантических параметров, которые не включены в базовый список А. Айхенвальд, но в настоящей статье я ограничусь указаниями на возможность такого прочтения без дискуссии о том, что можно считать указанием источника сообщения (в частности, насколько правильным было бы пытаться ввести в круг источников информации память, предчувствие, безосновательное предположение и т.д.).

Совокупность ЛПЭ может быть сведена в список (= словарь). Анализ сочетаемости каждого из элементов словаря с ПФ позволит вывести правила его употребления, которые, в свою очередь, позволяют приблизиться к адекватному описанию ПФ в тексте.

Ив. Куцаров [1978; 1984] был в числе первых, кто заговорил об эвиденциальных лексических маркерах в болгарском языке, дав достаточно подробный список таких лексем, который затем был взят за основу позднейшими исследователями. V глава его монографии посвящена неграмматическим пересказывательным модификаторам и делится на несколько разделов: 1. «Пересказывательные модификаторы – частицы». 2. «Пересказывательные модификаторы – глагольные формы». 3. «Пересказывательные модификаторы – предложения». 4. «Лексические пересказывательные модификаторы типа *слух, мълва, приказка, съобщение, вест* и т.д.». 5. «Пересказывательные модификаторы – предложные сочетания».

Одну из последних классификаций предложила болгарская исследовательница Ж. Иванова. Она рассматривает «маркеры вторичности информации в русском языке, провоцирующие болгарское языковое

сознание к употреблению пересказывательных форм при переводе текста с русского на болгарский язык»; анализ лексических средств выражения эвиденциальности в болгарском языке не входит в ее задачи. Тем не менее, предложенная ею классификация показателей несобственной речи может быть использована как отправной пункт для обращения к болгарским текстам:

1. **Глаголы речи** (*verba dicendi*), именующие речевое действие. Они могут быть: а) в неопределенно-личной форме, или б) в личной форме в сочетании с именем субъекта речевого действия (источника информации).
2. **Предложно-именные конструкции** типа *по словам, по мнению*, выражающие источник передаваемой информации.
3. **Имена** типа *сообщение, слух*, являющиеся номинацией высказывания или текста. В их семантике речевая ситуация представлена в свернутом виде – посредством выделения одного из ее аспектов: цели речевого акта (*заявление, изъяснение, обещание*) или же характера пропозиционального содержания словесного комплекса (*новость, информация, рассказ, история, письмо, песня*).
4. **Предикаты** с семантикой **восприятия и получения** информации типа *стало известно, слышал, узнал*, представляющие ситуацию речи с точки зрения адресата речевого действия.
5. **Презумпция незавидельствованности** события, содержащаяся в широком контексте, которая – самостоятельно или в сочетании с другими маркерами вторичности информации – скорее всего, означает невозможность употребления в болгарском переводе свидетельских форм глагола (форм на -х).²²

(по [Иванова 2002])

На основании классификации Ж. Ивановой, с учетом работ Ив. Куцарова [1978; 1984], а также опираясь на академическую грамматику болгарского языка [Грамматика 1983], можно выделить следующий исходный список ЛПЭ в болгарском языке²³:

1. глаголы речи и восприятия: *виждам* ‘видеть’; *изглежда* ‘кажется’ (в форме III л. ед.ч.); *научавам* ‘узнавать’; *казвам* ‘говорить’ с синонимами (например, *викам, думам, приказвам, разказвам* и др.); *чувам* ‘слышать’.
2. имена существительные: *вест* ‘весть’; *приказки* ‘слухи, разговоры, сказки’; *слух* ‘слух’ и под.;
3. предлоги: *според* ‘по’ (*според X; според него; според думите на X* и т.д.):

²² Имеются ввиду немаркированные аорист и имперфект индикатива.

²³ Список, безусловно, неполный, в частности, практически не учитываются стилистические синонимы приведенных в нем единиц. Тем не менее, он принимается за некую исходную позицию, позволяющую выработать правила, которые можно будет распространять на добавляемые в список элементы.

Лексические и грамматические показатели эвиденциальности

4. частицы²⁴: *кай* ‘говорит’; *май (че)* ‘вроде как, кажется, как будто, пожалуй, вероятно’;

В настоящей статье я обращусь к одному из глаголов-показателей эвиденциальности и к некоторым частицам.

В статье, помещенной в настоящем сборнике, П. Кехайов рассматривает связь ПФ и некоторых лексических эвиденциальных и эпистемических маркеров в болгарском и эстонском языках. Кроме того, он теоретически обосновывает в приложении к ЛПЭ и ПФ некоторые важные вопросы (в частности, противопоставление аналитического и холистического прочтения, *analytic* и *holistic reading*²⁵). В соответствующих случаях, я направляю читателя к его работе.

Глагол (раз)казвам / (раз)кажа

Именно использование ПФ после глаголов речи обратило на себя внимание первых исследователей эвиденциальности в болгарском языке, благодаря чему эти глагольные формы и получили свое название.

Значение репортативности в болгарском языке могут передавать разные

²⁴ Поскольку академическая грамматика [Стоянов 1983] не различает показатели КЭ и ЛПЭ, пришлось осуществлять поиск по каждой из лексических единиц, которые приводятся в ней. Вот исходный список: *а, а-а, а-ха* (в [Бернштейн 1966] только в значении «частица *вот-вот*»); в [Стоянов 1983, 495] указывается, что когда эти частицы употреблены при сказуемом, они вносят оттенок предположения о наступлении некоего действия сразу же после некоторого другого действия); *беки* (нареч. разг. – здесь и далее, если это особо не оговаривается, перевод дается по [Бернштейн 1966]), *белки(м)* (нареч. диал. уст. *может быть, возможно, неужели*); *божем* (нареч. уст. *будто бы, как будто*); *бозна* (у Бернштейна только в значении «частица разг. *Бог знает*»); [Стоянов 1983, 495] относит *божем* к частицам, употребляемым, «когда передаются чужие слова, чтобы подчеркнуть несовместимость с реальностью, противоречие ей (...), когда указываются факты, о которых предполагается, что они соответствуют действительности, но которые с ней на самом деле несовместимы»); *едва ли* (нареч. *едва ли, навряд ли*); *май (че)* (частица разг. *как будто, пожалуй, вероятно*); *надали* (частица *едва ли, вряд ли*); *невям* (нареч. диал. *будто, как будто, негли*); *негли* (нареч. диал. *может быть; неужели*); *уж, ужким, ужка* (част. *якобы, как будто; будто бы*).

В результате частицы *а-а, а-ха; беки; белки(м); божем; бозна; едва ли; надали; негли; невям; уж, ужким, ужка* были отсеяны как эпистемические/контрфактические в большей степени, чем эвиденциальные.

²⁵ Т.е., несколько упрощая: как связаны ЛПЭ и ПФ с общим значением конструкции. В случае аналитического прочтения ЛПЭ отвечает за эвиденциальный, а ПФ – за эпистемический компонент значения, а в случае холистического – и ЛПЭ, и ПФ вместе вводят один из компонентов.

глаголы, из которых здесь выбран глагол *(раз)казвам / (раз)кажа*²⁶ ('говорить / сказать'²⁷, 'рассказывать / рассказать'). Он находится на первом месте по встречаемости среди прочих глаголов речи: так, мною собрано около 600 примеров. Я намеренно выбрал глагол речи, не обремененный дополнительной эпистемической информацией, чтобы получить по возможности наиболее ясную картину: если ПФ имеют сразу два компонента значения, эвиденциальный и эпистемический, то обычный глагол речи не воздействует на эпистемический компонент семантики ПФ, а отвечает только за эвиденциальный оттенок значения. В то же время, если бы мы обратились к глаголам с двумя компонентами, и эпистемическим, и эвиденциальным, например, *твърдя* 'утверждать', *измислям* 'выдумывать' и др., то столкнулись бы с очень многими неясностями при анализе их сочетаний с ПФ. В частности, было бы очень сложно определить, в чем заложен эпистемический/эвиденциальный оттенок, в ПФ или в семантике глагола. В дальнейшем, уже представляя себе, как функционируют нейтральные глаголы речи в связке с ПФ, это было бы проще сделать.

Глагол *(раз)казвам / (раз)кажа* вводит сообщение как при помощи союза *че*, так и без него; чаще встречается вариант с *че*. Употребление/неупотребление *че* не влияет на семантику ПФ.

Во вводимых *(раз)казвам* отрезках текста противопоставляется несколько регистров, отмеченных употреблением, с одной стороны ПФ, а с другой стороны – не-ПФ (немаркированных будущего, настоящего и некоторых из прошедших времен).

Отдельно я остановлюсь на случаях так называемого двойного пересказывания ('он сказал, что ему сказали...'). Кроме того, есть ряд примеров того, как после глагола *(раз)казвам / (раз)кажа* одновременно употребляются как не-ПФ, так и ПФ.

Будущее и будущее I

Рассмотрим, чем отличается употребление простого будущего изъявительного наклонения после глаголов речи (3) от употребления ПФ (будущее I, примеры 4 и 5)²⁸:

²⁶ В одном из приводимых примеров употреблен глагол *изказвам* в сочетании *изказвам мнение* в аналогичном значении.

²⁷ В значении, передаваемом английским *to say*, но не *to speak*.

²⁸ Поскольку ПФ для простого будущего и будущего в прошедшем совпадают, мы имеем дело с единой формой, и поэтому примеры с простым будущим и будущим в прошедшем не разделяются.

Лексические и грамматические показатели эвиденциальности

- (3) *Тук ни казаха, че всички ще идем (БУД.) в градския клуб (...), а оттам ще ни разпределят (БУД.) по квартири.*
'Здесь нам сказали, что мы все пойдем в городской клуб, а оттуда нас распределят по квартирам'
(Константинов, Бай Ганю).²⁹
- (4) *Какво ще казва... (БУД.) **Казва**, че всичко било (ПНІ.) в ръцете на бога. Каквото кажеш (ПНІ.) бог. **Казва** още че знаел (ПНІ.) един лек и щял да опита (БУДІ.). Може да помогне.*
'Что ему сказать... Говорит, что все в руках Божиих. Как Бог велит. Говорит еще, что знает одно лекарство и собирается попробовать. Может, оно что-нибудь сделает'
(Йовков, Ако можеха да говорят).
- (5) *[Той] **казваше**, че понеже къщата му била (ПНІ.) по-близо до Чадър могила, (...) то направо щял да отиде (БУДІ.) там.*
'Он говорил, что, поскольку его дом ближе к Чадър-могиле, он собирался идти напрямик туда'
(Стоянов, Записки).

В (3) путешественники пересказывают сообщенную им информацию; в (4) пересказываются чьи-то советы в ситуации болезни и ее лечения; в (5) один из участников разговора сообщает о своих планах.

Нетрудно заметить, что между примерами (3) (простое будущее индикатива) и (4-5) (ПФ = будущее I) нет значительных отличий в указании на источник информации – а между (3) и (4), и в оценке ситуации говорящим. В примере (4) нет выраженного отстраненного отношения к источнику сообщения, а в (5) такое отношение есть, но оно становится понятным только из более широкого контекста. В то же время, для значения простого будущего индикатива, как уже неоднократно отмечалось в литературе, в большей мере характерно «непредвзятое» отношение к информации, сообщаемой говорящим. Говоря о будущем времени в болгарском языке, следует также помнить, что часто формы будущего времени используются для выражения ЭМ с оттенком гадательности и неуверенности (*Той ще да е седял на масата* '[Возможно/не исключено,] он сидел за столом'), что также уменьшает

²⁹ Во всех случаях, кроме специально оговоренных, орфография и пунктуация приводимых примеров даются по электронной публикации. Релевантные конструкции в болгарских примерах выделяются подчеркиванием, в русских переводах – по возможности, если перевод не изменяет грамматический строй фразы. Глаголы речи выделены полужирным шрифтом.

различия между употреблением как не-ПФ будущего времени (*той ще дойде*), так и будущего I (*той щял да дойде*) после ЛПЭ.

И наоборот, глагол *казвам* не налагает никаких ограничений на употребление/неупотребление ПФ будущего I и не влияет на их семантику. Можно сделать вывод, что конструкции типа ‘*казвам* + ПФ (будущее I)’ прочитываются аналитически, причем компонент ‘*казвам*’ отвечает за указание на то, что информация получена со слов субъекта действия, обозначаемого глаголом, а неупотребление или употребление ПФ вносит дополнительный семантический нюанс соотв. конформативности / неконформативности (подробнее см. [Aronson 1967; Friedman 2001]).

Настоящее и прошедше-настоящее I

Мы можем рассмотреть две подгруппы: подгруппа, в которой глагол речи вводит не-ПФ (*‘X каза / казваше, че Y прави Z’* – подгруппа I), и подгруппа, в которой глагол речи вводит ПФ (*‘X каза / казваше, че Y правел Z’* – подгруппа II).

‘X каза / казваше, че Y прави Z’

Если говорить о тенденциях внутри этой подгруппы, то можно заметить, что включаемые в нее примеры будут иметь ряд общих черт в семантике.

В первую очередь, это восприятие информации как достоверной по разным причинам:

- ссылка на авторитетные источники:
 - письменные
 - (6) *На часа аз извадих Изповедника, който носех при себе си в чантата, и прочетох на Кондя онова място, в което се казваше, че който прави (НАСТ.) хайдутлук, не му се дава (НАСТ.) свята комка двадесет години.*
‘Я тут же достал «Исповедник», который носил с собой в сумке, и прочитал К. то место, где говорилось, что тот, кто становится гайдуком, лишается Святого Причастия на двадцать лет’ (Стоянов, Записки).
 - устные (в частности, при описании «образцовых» поступков, описываемых «образцовыми» героями):
 - (7) *Честните хора (...) му дадоха още и парични средства, кой колкото имаше отгоре си, понеже всеки казваше, че човек бунтовник, който отива (НАСТ.) да мре, няма (НАСТ.) нужда от злато.*

Лексические и грамматические показатели эвиденциальности

‘Честные люди дали ему еще и денег, кто сколько имел с собой, потому что каждый говорил, что бунтовщик, который идет на смерть, не нуждается в золоте’
(Стоянов, Записки).

- основанное на последующих событиях знание о том, что информация оказалась истинной (здесь мы уже выходим за рамки непосредственно эвиденциальности и приближаемся к сфере эпистемической модальности):

(8) *Веднаж Галунка (...) дотърча изплашена и каза, че на тавана ходи (НАСТ.) някой. Докато чакаха да изкарат някой хайдук, Марин слугата, който беше най-сърцат, избута пред себе си като овца жълтото куче. То беше си пъхнало главата в една тенекия за масло и не можеше да я извади.*

‘Однажды Галунка в испуге прибежала и сказала, что на чердаке кто-то ходит. Пока собравшиеся ждали, что сверху приведут какого-нибудь разбойника, самый смелый, слуга Марин, вытолкнул перед собой собаку со шкурой желтоватого окраса, похожую на овцу. Она засунула голову в бидон для масла и застряла там’

(Йовков, Ако можеха да говорят).

Однако, часто достоверность информации не уточняется, и в этом случае возможно в одном и том же контексте употребить и ПФ, и не-ПФ. Ср. пример из рассказа «Грешница», в котором при описании нескольких идентичных ситуаций используются сначала не-ПФ, а затем ПФ:

(9) *Отидох на преглед. Направиха ми изследвания и казаха, че съм (НАСТ.) напълно здрава, и че няма (НАСТ.) причина да нямам деца. Отидох при друг лекар, ходих и в София. Същото. Здрава съм била (ПНІ), можела съм (ПНІ) да имам деца. Нужно било (ПНІ) и мъжът ми да се прегледа...*

‘Я сходила на прием. Меня проверили и сказали, что я полностью здорова и у меня нет препятствий, к тому, чтобы родить ребенка. Я сходила к другому врачу, съездила в Софию. То же самое. Я здорова, никаких препятствий нет. Нужно осмотреть и мужа...’

(Simon Ray Martin, Грешницата).

С другой стороны, так же может описываться и ложь, особенно выдаваемая за правду.

(10) – *То е* (ПНІ.) *написано само да плаши простите хора – отговори той иронически. – Когато аз живеех* (ИМПФ.) *на манастира, един святогорски калугер, който знаеше* (ИМПФ.) *от тебе сто пъти повече, ми казваше, че каквото зло и да правиш, като купиш* (НАСТ.) *едно сребърно кандило на св. Богородица или направиш* (НАСТ.) *една икона, всичките ти грехове се прощават* (НАСТ.).

‘– Это написано только для того, чтобы пугать простых людей, – с иронией сказал он. – Когда я жил в монастыре, один монах-святогорец, который знал в сто раз больше тебя, говорил мне, что какое бы ты ни сделал зло, если купишь серебряную лампаду святой Богородице или сделаешь икону, все твои грехи простятся’
(Стоянов, Записки).

Примечательно, что иногда автор может оправдываться, почему он употребил не ту форму, которая бы от него ожидалась, как это происходит в (11): «... это мне сказали другие, но впоследствии я убедился сам» (что, кстати, может быть также понято как интериоризация информации).

(11) *Казват, че англичаните-пътници са* (ПНІ) *виновни, те са разгалили* (ПЕРФ.) *тези нещастни създания, като са си доставяли* (ПЕРФ.) *удоволствие да гледат за няколко монети тези сцени. Това ми казаха другите, но вследствие аз сам се убедих.*

‘Говорят, что виноваты английские путешественники: они развратили эти несчастные создания, доставляя себе удовольствие наблюдать за несколько монет подобные сцены. Это сказали мне другие, но впоследствии я убедился сам’
(Константинов, До Чикаго и назад).

‘X каза / казваше, че Y правел Z’

Здесь, как, собственно, и в первой подгруппе, можно говорить скорее о тенденциях и нюансах, чем о строгих правилах. В эту подгруппу входят примеры с:

- недостоверной и попросту ложной информацией,³⁰

³⁰ Отметим, что употребление ПФ не имеет отношения к делению информации на правдивую и ложную, ср. например, (11) и (16), и в особенности (10).

Лексические и грамматические показатели эвиденциальности

(12) *Мене ме интересуваха твърде живо тия неща, но не се решавах още да надникна в читалището, защото **разказваха**, че там се приемали (ПНІ) само ония личности които ходели (ПНІ) с европейски дрехи, които имали (ПНІ) бради и пр.*

‘Эти вещи очень сильно меня интересовали, но я не решался заглядывать в читалище,³¹ потому что, как говорили, туда принимали только тех, кто ходил в европейской одежде, у кого была борода и т. д.’

(Стоянов, Записки).

- информацией, по отношению к которой говорящий не хочет занимать выраженной позиции, в том числе с новой информацией (здесь КЭ связывается с адмиративом, см. [Aikhenvald 2004, 195 и далее]):

(13) – *Човекът каза, че селото било (ПНІ) близо – каза селянинът*
‘«Человек сказал, что село близко», – сказал крестьянин.’
(Йовков, По жицата).

С другой стороны, можно привести в качестве примера случаи, где употреблены не-ПФ, хотя вполне могли бы быть употреблены ПФ:

(14) *Иван Белин гледа в земята, поклаца глава и се усмихва. После протяга ръка по посока на Големия извор, разперва пръстите си, придава уплаха на лицето си и започва да **разказва** за бивола, който излиза (НАСТ.) оттам, с такива големи роги, с такива страшни очи.*

‘Иван Белин смотрит в землю, качает головой и улыбается. Затем он протягивает руку к Большому источнику, растопыривает пальцы, лицо его принимает испуганное выражение, и он начинает рассказывать про буйвола, который выходит из источника, вот с такими рогами, вот с такими страшными глазами’

(Йовков, Грехът).

А в примере (15) на месте ПФ были бы скорее уместны не-ПФ (напр., ...*че конят му беше / е болен*. Этот случай особенно показателен: «*Право беше казал човекът*»).

(15) *До кръчмата имаше каруца и конят, както беше впрегнат,*

³¹ Культурно-просветительские центры в болгарских землях в период национального Возрождения и борьбы за независимость.

Максим Макарецев

лежеше на земята. Право беше казал човекът, че конят му бил (пн) болен. Спуснаха се всички да помагат.

‘У трактира стояла телега, а лошадь, как она была запряжена, лежала на земле. Правду сказал человек, что его лошадь была больна. Все спустились помогать’
(Йовков, Другоселец).

В (15) есть непосредственное указание на подлинность информации, которая отныне ни у кого не вызывает сомнения. С другой стороны, можно привести примеры несомненно неподлинной с точки зрения говорящего информации, которая вводится при помощи не-ПФ, ср. (10). Как кажется, подобную непоследовательность можно объяснить тем, что говорящие используют ПФ то как эпистемический показатель (12), то как показатель эвиденциальный (15). Подробнее об этом будет сказано в последней части работы.

Более пристальный взгляд на рассматриваемые примеры показывает, что мы не можем говорить о соблюдении каких-то строгих правил, но должны смотреть на использование ПФ и не-ПФ как на отражение каких-то тонких нюансов, которые зачастую нелегко вербализуются даже носителем языка. В этом случае глагол *(раз)казвам / (раз)кажа* играет роль эвиденциального показателя, а конструкции из ЛПЭ и ПФ прочитываются аналитически.

Перфект

В болгарской глагольной системе перфект занимает особое место. С одной стороны, ПФ, адмиратив, дубитатив и конклюдив развились на основе перфекта (при этом конклюдив формально от перфекта практически не отличается), с другой – перфект сохранил свое классическое значение действия, совершенного в прошлом, результат которого актуален для настоящего момента. Сравним два примера, первый из которых содержит не-ПФ, а второй – ПФ перфекта (= прошедше-настоящее II):

(16) *На два-три пъти Захария **изказа** съжалението си, че не се е сетил (ПЕРФ.) да вземе една дамаджана с вино.*

‘Два-три раза Захария высказал сожаление, что не подумал взять с собой кувшин вина’
(Йовков, Ако можеха да говорят).

В данном примере вместо плюсквамперфекта употреблена не-ПФ перфекта. Это объясняется тем, что перфект совмещает в себе результативность и предшествование, и в некоторых случаях может

происходить экспансия перфекта в область значений плюсквамперфекта, ориентированного на некий момент действия в прошлом. Ср. эквивалентность предложений *Когато той влезе, тя вече беше заспала* (плюсквамперфект) и *Когато той влезе, тя вече е заспала* (перфект) ‘Когда он вошел, она уже заснула’.

(17) *Чуха се мъжки гласове, някои заприказваха там, после се скараха, дигна се глъчка. Разтичаха се всички слуги. Казаха, че били хванали (ПП) крадец, и докараха Велико.*

‘Послышались мужские голоса, заговорили, потом донеслись ругательства и начался гвалт. Все слуги забегали. Сказали, что поймали вора и привели Велико’
(Йовков, Ако можеха да говорят).

Итак, мы видим, что ПФ и не-ПФ перфекта могут употребляться в одинаковом значении. Возможно, это вызвано тем, что в современной болгарской речи формы перфекта также используются для передачи косвенной эвиденциальности, тем самым будучи в полной степени амбивалентными (см. пример 1).

Думается, что здесь мы имеем дело с частичным наложением семантики (см. рис.1.2. в статье П. Кехайова), с одной стороны, ПФ и не-ПФ перфекта, а с другой стороны, ЛПЭ и ПФ. Поскольку значение косвенной эвиденциальности уже выражено при помощи лексического показателя, употребление ПФ будет иметь факультативное значение, выражая скорее нюансы отношения говорящего к факту события, которые могут быть – а могут и не быть – ясны из контекста.

Таким образом, *(раз)казвам* / *(раз)кажа* не предопределяет употребления ни ПФ, ни не-ПФ перфекта, а вступает с каждой из форм в сложные отношения, которые не сводятся к засвидетельствованности факта говорящим.

Двойное пересказывание³²

А. Айхенвальд пишет, что в ряде языков разделяются несколько степеней пересказывания (*firsthand, secondhand* и т.д.), и для каждой из этих степеней существуют свои определенные маркеры. В связи с этим интересно было бы взглянуть, как оформляются конструкции, обозначающие не-первичный пересказ в болгарском языке.

Под двойным пересказыванием здесь понимаются случаи, когда внутри

³² В этом разделе, как и в последующем, поиск производился только по моему корпусу. К сожалению, в ВС нет возможностей для поиска по нескольким критериям.

текста, построенного на ПФ,³³ появляются глаголы речи, вводящие речь четвертых³⁴ лиц. Возникающие при этом конструкции построены по модели '<А ми каза, че> В му казал, че С е / бил D', где А и В – говорящие, а С и D – некоторые объекты.

Было найдено 11 примеров, содержащих ряд интересных особенностей. Эти примеры распадаются на две группы: в первой из них вторичный пересказ ведется в не-ПФ (в семи примерах в настоящем времени, в четырех в будущем, в одном в перфекте.³⁵ См., напр., 18), а во второй – в ПФ (всего два примера, один из них см. в 19). При этом противопоставление по засвидетельствованности / незасвидетельствованности оказывается нерелевантным, а на первый план выходит эпистемический компонент. Если в первой группе формы эпистемически немаркированы (можно подобрать как те примеры, где говорящие доверяют сообщаемой информации, так и те, где они этой информации не доверяют), то вторая характеризуется исключительно недоверием говорящего (неконфирмативность).

(18) <После встречи с обыкновенным мошенником> *простия българин (...) като се завърнеш в отечеството си, с поемане на душата си **разказваше**, че видял (П.) еди-кой си войвода, който му **казал** (П.), че царството на турците е (НАСТ.) свършено вече.*

'... вернувшись в свое отечество, простой болгарин с воодушевлением рассказывал, что видел такого-то и такого-то воеводу, который сказал ему, что скоро турецкому царству

³³ Не будем пока что касаться текстов, которые построены на ПФ частично, или же могут быть описаны в рамках косвенной эвиденциальности, но при этом не содержат ПФ.

³⁴ Под 'первым лицом' подразумевается слушающий, под 'вторым (вторыми)' – говорящий (resp. говорящие), под 'третьим лицом/третьими лицами' – те люди, чья информация пересказывается вторыми, под 'четвертым(и)' – те, чья информация была пересказана третьими. (В данном случае нумерация лиц не является общепринятой грамматической – "первое лицо – говорящий", поскольку в данном случае для меня важнее показать цепочку, по которой была передана информация: "первое лицо" – слушающий *hic et nunc*; 'второе лицо/вторые лица' – говорящий *hic et nunc*; 'третье лицо/третьи лица' – сообщившие говорящему *hic et nunc* некую информацию; 'четвертое лицо/четвертые лица' – сообщившие информацию 'третьим лицам'.) В рамках двойного пересказывания имеет смысл говорить о первичном и вторичном пересказе: первичным будем называть пересказанные слова третьих лиц, а вторичным – четвертых.

³⁵ В одном примере вместе употреблены не-ПФ будущего и перфекта, поэтому я посчитал его два раза.

Лексические и грамматические показатели эвиденциальности

конец'
(Стоянов, Записки).

Здесь в основном тексте используются не-ПФ (*като се завърнеште, разказваше*), первичное пересказывание ведется в ПФ (*видял, казал*), а вторичное пересказывание вновь возвращается к не-ПФ (*е свършено*).

- (19) *Един от помощниците на Айвазияна ми казваше, че една американка го уверявала* (ПНІ), *че у нас имало* (ПНІ) *война*.
<Оказалось, что она приняла болгар за индейское племя.>
'Один из помощников Айвазияна говорил мне, что одна американка уверяла его, будто бы у нас шла война'
(Константинов, До Чикаго и назад).

Несложно заметить, что (19) отличается от (18) оценкой информации как недостоверной, то есть здесь значение ПФ эпистемическое.

Рискну предположить, что это противопоставление двух регистров (не-ПФ vs. ПФ) во вторичном пересказе зависит от эпистемического компонента значения конструкции. Если сообщаемая информация не вызывает недоверия у последнего говорящего, то внутри вторичного пересказа используются не-ПФ. Если же вызывает, то его сомнение передается при помощи ПФ.

Здесь мы сталкиваемся с двумя особенностями, которые значительно ограничивают возможность произвести широкое обобщение:

- все случаи употребления не-ПФ относятся к настоящему (немаркированному по признаку засвидетельствованности), будущему и перфекту (которые, в свою очередь, амбивалентны по отношению к КЭ);
- малое количество примеров не позволяет прийти к более широким обобщениям.

Все случаи двойного пересказывания могут быть представлены в виде следующей схемы:

Схема I. Двойное пересказывание в болгарском языке

A: II. {B: I. /p/}' ,

где A и B – говорящие, скобки разной формы обозначают разные речевые акты (фигурными скобками обозначен более ранний хронологически речевой акт, а квадратными – более поздний), апостроф – использование

ПФ (на глубину одного речевого акта), а p – исходную пропозицию. Приоритет при нумерации имеет более раннее по времени высказывание.

Например: *Петя (= А) каза, че П. {някакъв таксист (= В) ѝ дал диска и казал, че I. / е добър (= p)/}* ‘Петя сказала, что какой-то таксист дал ей этот диск и сказал, что диск хороший’.

В подавляющем большинстве случаев на втором уровне пересказывания ПФ в p замещены на не-ПФ. Как я уже сказал, здесь при помощи формальных средств противопоставляются два регистра, что можно было бы объяснить так: во-первых, КЭ не нуждается в том, чтобы маркировать каждую форму текста, а скорее расставляет свои маркеры в ключевых его точках (ср. это с картиной, наблюдаемой с расстановкой артиклей в балканских текстах, подробнее см. [Цивжан 1987]), а во-вторых, на следующем уровне пересказа (П.) получилось бы унифицирование: как П., так и I. вводились бы при помощи ПФ, и было бы непонятно, какие ПФ, обозначающие эвиденциальность, принадлежат говорящему A , а какие – говорящему B , ср. схему Ia:

Схема Ia. Употребление ПФ в двойном пересказывании

$$X: П. \{Y: I. /p'\} \left\{ \begin{array}{l} (a) Y: I. /p/' \\ (b) Y: I. /p/ \end{array} \right.$$

(a) показывает возможный исходный вариант речевого акта I., в котором B использовал ПФ, а (b) – вариант, в котором B использовал не-ПФ.

Как видно, в этом случае между речевыми актами I и II нет различий по ПФ / не-ПФ, а, следовательно, неясны формы исходной p . Поэтому можно предположить, что конвенционально был принят вариант, показанный на схеме I,³⁶ поскольку в этом случае удобство заключается в том, что не надо маркировать каждую глагольную форму в предложении. Указание на косвенную эвиденциальность переносится на формы, принадлежащие собственно речи A , а переданная речь говорящего B ведется либо в нейтральных формах (или в формах, допускающих амбивалентное прочтение), и в таких случаях конструкция является эпистемически нейтральной, либо в ПФ (в которых в этом случае на первый план выдвигается ЭМ, а именно оттенок недоверия).

³⁶ Когда я попросил носителя языка сравнить два предложения, построенные по этой модели (*Някакъв таксист ѝ дал диска и казал, че била МП-тройка* и *Някакъв таксист ѝ дал диска и казал, че е МП-тройка*), она подтвердила: ей не нравится первый вариант, и она бы никогда так не сказала.

Смешанное употребление

Нередка ситуация, когда одна и та же ЛПЭ вводит текст со смешанным употреблением ПФ и не-ПФ (иногда ПФ и не-ПФ соседствуют даже в рамках одного простого предложения).

Всего в корпусе болгарской литературы было найдено 12 таких случаев, которые распадаются на два подмножества. Так, вместе могут употребляться следующие формы:

- a. будущее + ПФ настоящего / имперфекта;
- b. настоящее + ПФ настоящего / имперфекта.

Разбор некоторых вопросов, связанных с будущим временем (a), позволит нам подойти к объяснению того, что происходит с настоящим (b):

a. В следующем примере мы видим, как ПФ имперфекта полнозначного глагола используется вместе с будущим временем:

- (20) *Така например Георги Димитров от Одрин каза че имал (ПНІ) приготвени хора около Димотика, които с една дума само ще може (БУД.) да повдигне на въстание, и най-напред ще прекъса (БУД.) железницата...*

‘Так, например, Георгий Димитров из Адрианополя сказал, что у него около Димотики есть люди в полной готовности, которых он сможет одним только словом поднять на восстание, и прежде всего он перекроет железную дорогу’

(Стоянов, Записки).

Это можно было бы объяснить разницей в восприятии ПФ будущего I и прошедше-настоящего I. У ПФ прошедше-настоящего I выделяется два компонента: эвиденциальный и, во вторую очередь, эпистемический. У ПФ будущего I на первый план выходит эпистемический компонент значения в силу того, что для будущего всегда существует некий потенциал, который может не реализоваться, или реализоваться не так, как это ожидалось (ср., в частности, исходное значение желательности у грамматикализованной частицы *ще*, участвующей в образовании будущего времени в болгарском языке). Поэтому если к болгарским ПФ плана прошедшего и настоящего времени можно использовать термин, предложенный Р.П. Усиковой для аналогичного явления в македонском языке: «доверчивый пересказ» [Усикова 2003, 220], то ПФ, относящиеся к будущему, всегда будут иметь более или менее ярко выраженную эпистемическую (*non-confirmative*, если быть более точным) окраску.

b. Настоящее время может иметь разный статус. В (21) перед нами

ситуация, которую я предложил бы считать стандартной ситуацией смешения:

- (21) Той **разказа** (AOP.) с възхищение, че дните на турската държава се броят (НАСТ.) вече, народът бил (ПНІ) готов да въстане в една минута, като един човек, че отгдето минали (ПНІ), били (ПНІ) посрещани като Христа, не можели (ПНІ) да надпреварят да отидат навсякъде, депутации от по няколко души ходели (ПНІ) да ги търсят по селата, имало (ПНІ) досега готови около 5000 души да въстанат на първи позив и пр., и пр. ‘Он с восхищением рассказал, что дни турецкого государства сочтены, народ готов восстать как один, что где бы они ни проходили, их встречали как Христа, они не могли поспеть везде, и люди посылали на их поиски в селах специальные депутации, что в настоящий момент готово к восстанию по первому зову 5000 человек и т.д.’ (Стоянов, Записки).

Здесь в настоящем времени употреблен полнозначный глагол (*дните ... се броят вече*), причем описанное им действие наблюдалось в прошлом, но актуально и в момент речи. Остальные формы, кроме последней, относятся к плану прошедшего и замещают имперфект. Особо отметим то, что среди ПФ в этом отрывке мы встречаем как ПФ полнозначных глаголов (*не можели, ходели*), так и ПФ вспомогательного глагола *съм* (*били*).

Наиболее показательными будут ПФ полнозначных глаголов, поскольку на выбор форм вспомогательных глаголов может влиять форма предыдущего полнозначного глагола:

- (22) Той... той просто избухна и **каза**, че причината е (НАСТ.) в мен, че той имал (ПНІ) преди мен приятелка, с която... Изобщо, че имал (ПНІ) доказателства и при него всичко било (ПНІ) наред. ‘Он... он просто взорвался и сказал, что причина во мне, что передо мной у него была подруга, с которой... В общем, что у него есть доказательства и у него все в порядке’ (Simon Ray Martin, Грешницата).

В (23) настоящее время употреблено в значении настоящего исторического, которое в болгарском нейтрально по отношению к ПФ (подробнее о связи настоящего исторического и КЭ на ином материале см. в [Макарецев, в печати]).

- (23) **Разказваха**, че един път, когато той причестявал (ПНІ)

Лексические и грамматические показатели эвиденциальности

благословени християни в черкова, през великите пости, научава се (НАСТ.), че има (НАСТ.) няколко души, които искат (НАСТ.) да се кълнат. На минутата той слага (НАСТ.) светата комка настрана, вика (НАСТ.) просителите в олтара и скоро-скоро ги привежда (НАСТ.) под клетва.

‘Рассказывали, что однажды, когда он Великим Постом причащал верующих в церкви, стало известно, что есть несколько человек, которые хотят принести клятву. В ту же секунду он отставляет святую чашу в сторону, зовет просителей в алтарь и немедленно приводит их к клятве’
(Стоянов, Записки).

То есть, здесь мы видим такую же ситуацию, как и с будущим временем: временной план влияет на то, какой компонент начинает преобладать в семантике ПФ, эвиденциальный или эпистемический. Если действие происходило в прошлом, то основным становится эвиденциальный компонент, а эпистемическое оценивание сообщения становится малорелевантным. Если действие происходит в настоящий момент (или же произойдет в будущем), то главную роль в семантике ПФ начинает играть эпистемический компонент. Если же используются особые формы, которые аннулируют временной план, то ПФ в принципе не должны использоваться. В случае же, когда исходная пропозиция состоит из вспомогательных глаголов, использование/неиспользование ПФ может быть малопоказательным.

Подводя итог тому, что было сказано о глаголах речи (в центре нашего внимания в основном был один из них, наиболее нейтральный) и их связи с ПФ, отметим несколько ключевых моментов. Свобода в использовании ПФ после глаголов речи практически ничем не ограничена, но, в зависимости от временного плана высказывания ПФ могут иметь совершенно различную семантику. Поскольку в ПФ могут пересекаться ЭМ и КЭ, в сочетании с глаголом речи на первый план выходит то один, то другой компонент значения, что влияет на стратегию истолкования текста: раздельное или цельное прочтение (*analytic* или *holistic reading*). Подробнее о семантике ПФ и возможностях ее распределения в разных контекстах скажем после того, как рассмотрим их связь с эвиденциальными частицами.

Частицы

Кай

Все рассматриваемые употребления *кай* (восходит к глаголу *казвам / кажа*

‘говорить/сказать’) зарегистрированы в текстах художественных произведений до 70-х годов XX века. Дополнительный поиск, проведенный по современным газетам, форумам, чатам и блогам, дал единственный результат, причем оказалось, что это рассказ Чудомира «Фотографът», приведенный целиком в посте одного из участников.

Прежде всего, отметим, что в абсолютном большинстве случаев *кай* вводит прямую речь, и служит, таким образом, показателем цитатива. Учитывая более чем свободную постановку знаков препинания, часто одну и ту же фразу можно понять и как сказанную в прямой речи (если в ней нет иных указаний на то, кому она принадлежит: личных местоимений и т.д.), и как сказанную в косвенной речи.

Если же *кай* выступает в роли показателя репортатива, то просматривается тенденция использовать после *кай* ПФ (хотя сложно сделать более основательный вывод, учитывая то, с какой редкостью встречается репортативное *кай*). В этом случае ПФ вводят дополнительный эпистемический оттенок неприятия и недоверия:

(24) *И не иде сама, ами и другарка си води. За общество, кай, я водела (ПНІ). Напуснала (ПНІ) мъжа си, хубостницата му, дошла (ПНІ) тук да=се=поправя нервено.*

‘И не одна она приехала, но еще и знакомую пригласила. Для общества, видите ли, ее пригласила. Бросила мужа, красавица этакая, приехала нервы лечить’

(Чудомир, Провинциалистки).

С другой стороны, ПФ могут использоваться для разграничения речи разных людей, ср.:

(25) <Бай Ганю рассказывает автору про то, что ему рассказал один молодой болгарин о своих проблемах в университете:> *Ректора, кай, не го остава (НАСТ.). Не може (НАСТ.), кай, казал (ПНІ) му, за три месеца, да станеш доктор, кай (...) Казал (ПНІ) му ректора, не може, кай, за три месеца само да прочетеш, а камо ли да го изучиш.*

‘Ректор, говорит, не оставляет его. Нельзя, говорит, сказал ему, за три месяца стать врачом, говорит. Говорит, сказал ему ректор, невозможно за три месяца и прочитать все это, а тем более выучить’

(Константинов, Бай Ганьо).

Здесь мы имеем дело со случаем, близким ко вторичному пересказыванию, но I. представляет собой прямую речь, что облегчает анализ. Текст

образует сложную рамочную структуру. Она представлена на схеме II. ЛПЭ выделены курсивом и поставлены в круглые скобки; кавычки вводят (реконструированную) прямую речь персонажей; каждый новый речевой акт обозначается скобками разной формы (по тому же принципу, что и в схемах I и Ia), а его номер обозначается римской цифрой; нумерация идет в хронологическом порядке, следовательно – снизу вверх³⁷:

Схема II. Рамочная структура текста (на примере 25)

Бай Ганю

III. [Молодой человек (*кай*):

II. {«Ректора не [ме] остава» (*казал*):

I. /«не може за два месеца да станеш доктор...не може за три месеца само да прочетеш, а камо ли да го изучиш»/}].

В отрывке можно выделить несколько персонажей, каждый из которых передает слова предыдущего. Сначала ректор сказал «Не може за три месеца да станеш доктор» (I.). Затем молодой человек рассказал об этом бай Ганю (II.). Спустя какое-то время бай Ганю сообщает все это автору (III.). Чтобы разграничить три вида фактов: слова ректора, слова молодого человека и объяснение бай Ганю, А. Константинов маркирует их по-разному – между двумя ЛПЭ (*кай* и *казал*) происходит распределение ролей: *кай* указывает на речь молодого человека, а *казал* маркирует речь ректора, при этом сам глагол *кажа* стоит в прошедше-настоящем I (здесь это показывает исключительно вторичность источника информации). В собственной речи Бай Ганю, когда он описывает то, что произошло со студентом, наблюдается смешение двух регистров: ПФ и не-ПФ (*не го остава; казал му*), что можно объяснить меняющейся позицией говорящего по отношению к пространству текста: если форма *не го остава* описывает некоторое продолженное настоящее время, то формой *казал му* автор показывает, что рассказчик дистанцируется от ситуации в прошлом, свидетелем которой он не был.

Таким образом, ПФ и *кай* могут употребляться как вместе, так и отдельно, независимо друг от друга. В примере (24) мы видим так называемое раздельное прочтение (*analytic reading*), когда на первый план в семантике ПФ выходит эпистемический компонент, а указание на источник информации остается на долю лексемы. С раздельным же прочтением мы имеем дело и в (25), поскольку в нем ЛПЭ и ПФ относятся к разным референтам (*Не може, кай, казал му*).

На основании разобранных примеров можно заключить следующее:

³⁷ От хронологически более раннего речевого акта (I.) к более позднему (III.).

рассматриваемая частица указывает, что информация сообщена неким сторонним лицом, и ее оценка говорящим не раскрывается. Ее употребление носит факультативный характер. В прямой речи *кай* может передавать значение цитатива и репортатива, таким образом специфицируя общее значение дистанцированности говорящего от объекта высказывания, характерное для ПФ. В семантике же ПФ на первый план выходит эпистемический компонент.

Май (че)

Май и *май че*³⁸ будут рассматриваться вместе, поскольку *май че* встречается значительно реже и по зарегистрированным употреблениям не отличается по значению и сочетаемости от *май*.

Рассмотрение более чем 60 зарегистрированных словоупотреблений *май (че)* показывает следующую картину: они представляют несколько семантических параметров: визуальность, сенсорность, репортатив и конклюдив – на них я остановлюсь подробнее, – а также память, предчувствие и безосновательное предположение – связь этих семантических параметров с эвиденциальностью несомненна, но нуждается в обосновании, и потому я ограничусь только указанием на возможность взглянуть на проблему и под таким углом. Хотя *май (че)* – находится посередине между показателями КЭ и ЭМ, для достижения поставленной в работе цели я рассматриваю *май (че)* только в кругу его эвиденциальных значений (о связи КЭ и ЭМ с этим лексическим показателем см. статью П. Кехайова в настоящем сборнике).

Май (че) как показатель сенсорного восприятия предполагает употребление не-ПФ:

(26) *Късно е – нямах представа колко е часът, но интуитивно чувствах, че май наистина е (НАСТ.) късно.*

‘Было поздно – я не имел представления, который час, но интуитивно чувствовал, что и вправду поздно’ (ВС).

Когда *май* имеет значение визуальности (27), оно также употребляется со «свидетельскими» формами (и здесь это вполне уместный термин), что вполне объяснимо – как пишет А. Айхенвальд, именно визуальность никогда не сочетается с формами косвенной эвиденциальности, по понятным причинам.

³⁸ От румынск. *mai*, «частица для образования сравнительной и превосходной степени; больше, уже; еще; опять; почти; едва ли не» (БЕР III).

Лексические и грамматические показатели эвиденциальности

- (27) <Моканин видит в телеге девушку, закутанную в одеяло, и говорит крестьянину:>
– *Ти май болно имаши* (НАСТ.).
'У тебя, кажется, больная'
(Йовков, По жицата).

Отметим, что в (26) на первый план выходит сенсорность, а в (27) визуальность, которая при этом имеет сильный конклюдивный оттенок, причем ни одна из этих категорий не предполагает использования ПФ. По причине редкой встречаемости *май (че)* нельзя с уверенностью сказать, насколько это пересечение характерно для семантики *май (че)*, но можно предположить, что в целом для *май (че)* более характерно значение малообоснованной предположительности (в этом случае мы уже не можем говорить про конклюдив, скорее, *май (че)* на лексическом уровне является коррелятом форм будущего времени, использованных в значении предположения), гадательности и неуверенности, в гораздо большей мере, чем указание на источник информации.

Май (че) может употребляться и для передачи конклюдивности, ср.:

- (28) <Собаки чувствуют приближение постороннего и начинают лаять, но быстро умолкают, и к забору, внутри которого находится Давидко, подходит человек> – *Бе, приятелю – каза Давидко, – ти какви магии правиши на кучетата? Защо не те лаят кучетата? Ти май не си* (НАСТ.) *чист човек*.
'– Эй, друг, – сказал Давидко, – ты какие чары наводишь на собак? Почему собаки на тебя не лают? Недобрый ты человек, как я посмотрю'
(Йовков, Ако можеха да говорят).

Невелико количество случаев, когда *май* имеет значение репортатива, тем не менее, такие случаи есть:

- (29) <Боянов узнает о здоровье своих близких со слов третьего лица и говорит своему другу:>
– *Не сме* (НАСТ.) *май добре – говореше той на Топузова и въздъхваше*. – *Вяра била* (ПНІ) *малко болна*.
'– У нас, кажется, не все в порядке, – говорил он Топузову и вздыхал. – Вера немного заболела'
(Йовков, Песента на колелетата).

Здесь *май* и ПФ должны прочитываться холистически, так как на первый план в значении ПФ выходит значение незасвидетельствованности. Если

сопоставить две конструкции из (29) – *не сме май добре* и *Вяра била...болна*, то обнаружится, что настоящее время, по-видимому, замещает ПФ настоящего времени, что не связано с *май*: если бы вместо *Не сме май добре* было *Не сме били май добре*, это бы означало недоверие к источнику информации (которому, исходя из более широкого контекста, Боянов как раз наоборот, слишком доверяет). К сожалению, в моем корпусе и ВС не нашлось больше примеров с *май* (*че*) в значении репортатива, поэтому едва ли возможно делать обобщения более широкого плана – в частности, насчет того, в каких случаях после *май* употребляются ПФ, а в каких не-ПФ. Бесспорно только то, что и здесь в *май* могут пересекаться одна из субкатегорий эвиденциальности и конклюдив, как в (27).

Таким образом, *май* (*че*) может передавать сразу несколько семантических параметров: визуальность, сенсорность, репортатив, а практически постоянным дополнительным компонентом смысла будет конклюдив (более или менее ярко выраженный). Как кажется, все рассмотренные примеры объединяются тем, что называется «пропустить через себя»: это интериоризированная информация. С другой стороны, оговорка, что это знание «пропущено через себя», снимает с говорящего часть ответственности за полноту и точность сообщаемых фактов, даже учитывая то, что мы оставили в стороне предположения, не основанные ни на чем и не требующие от говорящего никакой ответственности. Источник информации как добавочный компонент значения рассматриваемой частицы может быть нерелевантным во многих случаях (собственно говоря, в абсолютном большинстве употреблений *май* (*че*), которые я оставил вне рассмотрения). Информацию о нем следует искать в более широком контексте.

Это приводит нас к странной ситуации, когда частица, интериоризирующая информацию (то есть, определяющая ее как «свою» в оппозиции ‘свой – чужой’), имеет значительную степень неопределенности. Очевидно, это следует связать с такими стратегиями сокрытия своей позиции при контакте с иным, как «зыбкостью» и «уходом от дихотомии» [Цивьян 1992, 154].

Пересказывательные формы между свидетельством и доверием

Представленные примеры имели целью показать характер связи ЛПЭ и ПФ. Новые употребления раскрывали новые оттенки семантики ПФ, ставя новые вопросы. Одним из главных вопросов является следующий: а что, собственно, значат ПФ? Нетрудно заметить, что во всех примерах ПФ играли роль некоторого параметра, значение которого всегда изменялось, в то время как семантика ЛПЭ обладала значительной устойчивостью.

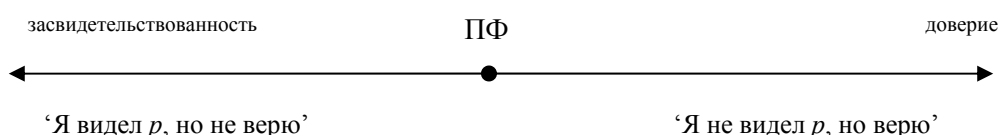
Лексические и грамматические показатели эвиденциальности

Укажем область значений этого параметра (схема III; в данном случае непринципиально, что у нас сразу два изменяющихся параметра).

Представим себе два крайних случая: 'Я видел p , но не верю', и 'Я не видел p , но верю'. Между ними могут располагаться промежуточные случаи, например, 'Я видел p , но мне не верится', 'Я видел p , но, тем не менее, недостаточно верю', или 'Я не видел p , но склоняюсь к мысли о том, что p верно', 'Я не видел p , но почти верю', и т.д. В этом случае у параметра эвиденциальности будет только три возможных значения ('не видел', 'информация отсутствует', 'видел'), а изменяться будет степень доверия/недоверия.

ПФ могут употребляться в разных значениях для всех случаев, которые вместились бы в эту схему. Принципиальная изображаемость ПФ на шкале между свидетельством и доверием проистекает из того, что они имеют сразу два значения, которые могут реализовываться в зависимости от интенции автора: неконфирмативность и/или незасвидетельствованность. В зависимости от реализации того или другого из двух основных значений, ПФ будут использоваться для описания ситуации, тяготеющей к одной или другой стороне. То есть парадоксальным образом ПФ могут использоваться и при описании тех ситуаций, свидетелем которых человек был, и тех, которые он не наблюдал. Точно таким же образом при помощи ПФ может передаваться и та информация, которой говорящий доверяет, и та, которой он не доверяет. Именно отсюда проистекает часть проблем, с которыми приходится сталкиваться при изучении болгарских ПФ.

Схема III. ПФ между свидетельством и доверием

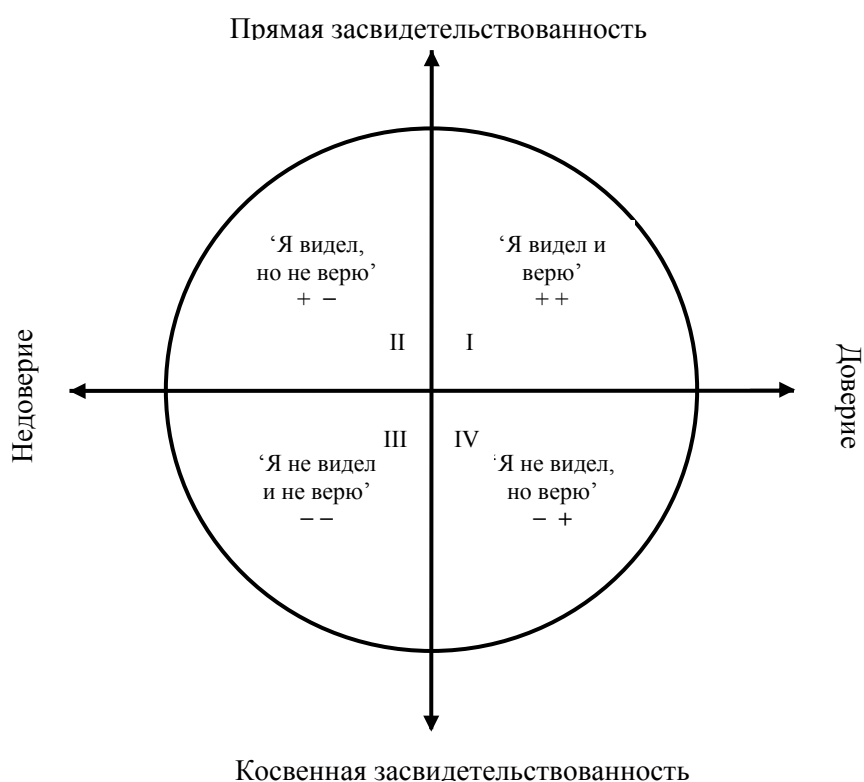
Собственно, шкала на схеме III представляет собой частный случай более сложной схемы (см. схему IIIa³⁹). КЭ и ЭМ представляют собой две пересекающиеся области (ЭМ возрастает по шкале абсцисс (недоверие – доверие), а КЭ – по шкале ординат (прямая – косвенная эвиденциальность)). Как видно, сюда не могут быть вписаны адмиратив, дубитатив и конклюдив, потому что они предполагают другую систему координат.

³⁹ Похожую схему я уже использовал в [Макарцев, в печати] для того, чтобы показать соотношение между ожиданием появления ПФ и их наличием в тексте.

При положительных ЭМ и КЭ мы оказываемся в первой четверти координатной плоскости ('Я видел и верю'), где ПФ использоваться не могут (ср. *Днес, когато майка ми излизала (выходить.ПНІ.ІІ.ЕД) от къщи, вече съм бил станал (встать.ПНІ.І.ЕД) 'Сегодня, когда мама уходила, я уже встал'). Поэтому далее рассматриваться будут только вторая, третья и четвертая четверти.

При отрицательных значениях ЭМ и КЭ мы оказываемся в третьей четверти ('Я не видел и не верю'), зарезервированной за ПФ, ср. невозможность *Аз не вярвам (верить.ІІ.ЕД), че тя направи (сделать.ІІ.ЕД) това 'Я не верю, что она это сделала'. Во второй же и четвертой четвертях ('Я видел, но не верю' и 'Я не видел, но верю') мы предстаем перед неопределенностью, поскольку и в том и в другом случае выбор можно сделать как в пользу КЭ, так и в пользу ЭМ, что и было показано на материале глаголов речи.

Схема Ша. ПФ в системе эвиденциальности и эпистемической модальности

Введение двух координат, эпистемической и эвиденциальной, позволяет объяснить некоторые нюансы употребления ПФ. Если эвиденциальная

Лексические и грамматические показатели эвиденциальности

координата объективна и поддается учету (в большинстве случаев возможно определить, получена ли информация из вторичного источника), то вопрос оценки всецело отдается на рассмотрение говорящему. Расставим знаки функций (первый знак относится к КЭ, а второй к ЭМ). Обратим внимание: если знаки не совпадают, то значение ПФ определить с полной уверенностью не удастся.

Пусть у нас будет некая совокупность ЛПЭ. Очевидно, что как для первой, так и второй четверти их употребление (в значении ‘сообщенной информации’) нерелевантно, поскольку в случаях, попадающих в эти две области, говорящий уже был свидетелем действия (зона прямой засвидетельствованности).

Тогда остается только две четверти, где они могут использоваться: третья и четвертая. В обоих случаях ЛПЭ акцентируют внимание слушающего на источнике информации, но в третьей четверти в семантике ПФ будет активизироваться эпистемический компонент (недоверие), а в четвертой на первый план будет выходить значение незасвидетельствованности. Это значит, что в третьей четверти конструкция ‘ЛПЭ + ПФ’ должна прочитываться аналитически (ЛПЭ и ПФ отвечают за разные компоненты общего смысла), а в четвертой – синтетически (ПФ и ЛПЭ передают разными средствами – грамматическими и лексическими одновременно – одно и то же значение незасвидетельствованности).

Учитывая, что эпистемическая оценка высказывания закладывается говорящим (а в т о р о м высказывания), а истолковывается слушающим, придется признать: характер связи ЛПЭ и ПФ определяется уже не в лингвистических, а в семиотических категориях «множественности прочтений». Именно поэтому, обращаясь к ПФ в болгарском языке и их связи с ЛПЭ, мы говорим скорее о нюансах и тенденциях, чем фактах, позволяющих с уверенностью доказать или опровергнуть ту или иную гипотезу.

Сокращения

І – первое лицо; БУД. – будущее время; БУДІ – будущее І; ВОЗВР. – возвратная частица; ЕД. – единственное число; ИМПФ. – импрефект; Л-ПРИЧ. – причастие на л; ПШ – прошедшее II; ПЕРФ. – перфект; ПЛЮСКВ. – плюскваперфект; ПНІ – прошедше-настоящее І.

Литература

- Андрейчин, Л. 1949. *Грамматика болгарского языка*, Москва: Издательство иностранной литературы.
- Андрейчин, Л. 1974. “По въпроса за изпускането на спомагателния глагол Е, СА в минало неопределено време и в съставно именно сказуемо”, *БЕ*, XXIV, 6, 536-538.
- Арутюнова, Н.Д. 2000. “Показатели чужой речи *де, дескать, мол.* К проблеме интерпретации речеповеденческих актов”, Арутюнова, Н.Д. (ред.). *Язык о языке*, Москва: Языки русской культуры, 437–453.
- Асенова, П. 2004. “Преизказването на глаголно действие в българския език – проява на балканския манталитет?”, Радева, В. (ред.). *Българистични студии*, София: Св. Климент Охридски, 34-43.
- Бенвенист, Э. 1974. *Общая лингвистика*, Москва: Прогресс.
- Бернштейн, С.Б. 1996. *Българско-руски речник. Болгарско-русский словарь*, Москва: Советская энциклопедия.
- Васева, И. 1990. “Использование частиц для выражения пересказывания в болгарском и русском языках”, *Славистични изследвания*, 6, 185-200.
- Васева, И. 2003. “Косвенная речь в болгарском и русском языках”, *Русистика 2003: Язык, коммуникация, культура*. Шумен (использована электронная публикация на <http://www.russian.slavica.org/article650.html>).
- Демина, Е.И. 1959. “Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке”, Бернштейн, С.Б. (ред.). *Вопросы грамматики болгарского литературного языка*, Москва: АН СССР, 313-378.
- Иванова, Ж. 2002. “Речевая деятельность как фрагмент языковой картины мира: Интерпретация вторичности информации в русском и болгарском языках”, *Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков*, Шумен. Опубликовано на <http://www.russian.slavica.org/article142.html> (26.01.07).
- Козинцева, Н.А. 1994. “Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа)”, *ВЯ*, 3, 92-104.
- Кузнецова, А.И. 2004. “Каким может быть статус эвиденциальности и ирреалиса?”, Ландер Ю.А. и др. (ред.). *Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность*, Москва: Гнозис, 88-106.
- Куцаров, И. 1978. “Преизказни модификатори в южните славянски езици”, *СЕ*, III, 4, 41-52.
- Куцаров, И. 1984. *Преизказването в българския език*, София: Език и литература.
- Макарецев, М.М. (в печати). “Категория эвиденциальности в балканославянских сказках о судьбе: обманутые ожидания”, *Материалы XXXVI международной конференции филологического факультета СПбГУ*.

Лексические и грамматические показатели эвиденциальности

- Маслов, Ю.С. 1956. *Очерк болгарской грамматики*, Москва: Издательство литературы на иностранных языках.
- Мирчев, К. 1978. *Историческа граматика на българския език*, София: Наука и изкуство.
- Пенчев, Й. 1994. “Модалност и време”, *СЕ*, XIX, 6, 28-37.
- Попов, К. 1963. *Съвременен български език. Синтаксис*, София: Наука и изкуство.
- Станков, В. 1967. “Категории на индикатива в съвременния български език”, *БЕ*, XVII, 330-344.
- Стоянов, Ст. и др. (ред.) 1983. *Грамматика на съвременния български книжовен език*. Том II. *Морфология*, София: БАН.
- Трифонов, Ю. 1905. “Синтактични бележки за съединението на минало действително причастие с глагола «съм» в новобългарския език”, *Периодично списание на БКД в София*, кн. LXVI, т. XVII, св.3-4. София: БКД, 155-192.
- Употреба, 2008. “Секция по компютерна лингвистика”. <http://dcl.bas.bg/corpus/bg/use/>, 12.07.2008.
- Цивьян, Т.В. 1989. “Кон категоријата на деиксисот во балканскиот јазичен сојуз”, *Македонска академија на науки и уметности*. Прилози XII, 1, Скопје: МАНУ, 121-129.
- Цивьян, Т.В. 1990. *Лингвистическите основи на балканската лингвистика*, Москва: Наука.
- Якобсон, Р.О. 1972. “Шифтеры, глагольные категории и русский глагол”, Успенский, Б.А. (отв. ред.). *Принципы типологического анализа языков различного строя*, Москва: Наука, 95-113.
- Aikhenvald, A. 2004. *Evidentiality*, Oxford: Oxford UP.
- Aikhenvald, A. 2006. “Evidentiality in Grammar”, *Encyclopedia of language and linguistics*, 2nd electronic edition. Oxford: Oxford UP.
- Aronson, H.I. 1967. “The Grammatical Categories of the Indicative in the Contemporary Bulgarian Literary Language”, Abernathy, R. et al. (eds.). *To Honor Roman Jakobson* vol. 1, The Hague: Mouton, 82-98.
- de Haan, F. 1999. “Evidentiality and epistemic modality: setting boundaries”, *Southwest Journal of Linguistics*, 18, 83-101.
- de Haan, F. 2001 (a). “The place of inference within the evidential system”, *International Journal of American Linguistics* 67, 193-219.
- de Haan, F. 2001 (b). “The relation between modality and Evidentiality”, *Linguistische Berichte, Sonderheft 9*, 201-216.
- de Haan, F. 2005 (a). “Encoding speaker perspective: Evidentials”, Frajzyngier Z., Hodges A. and Rood D.S. (eds.). *Linguistic Diversity and Language Theories*, Amsterdam/ Philadelphia: Benjamins, 379-397.
- de Haan, F. 2005 (b). “Encoding speaker perspective: evidentials”, *Language diversity and Linguistic theories symposium proceedings* (Источник: <http://www.u.arizona.edu/~fdehaan/papers/boulder.pdf>).
- Dwyer, A. 2000. “Direct and indirect experience in Salar”, *Evidentials*, 45-59.
- Fielder, G. 1995. “Narrative perspective and the Bulgarian *l*-participle”, *Slavic and East European Journal* 39, 585-600.

- Fielder, G. 1996. "Distance as a prototypical verbal category in Bulgarian", *Balkanistica* 9, 211-215.
- Fielder, G. 1997. "The discourse properties of verbal categories and their implications for Balkan linguistics", *Balkanistica* 10, 162-184.
- Friedman, V.A. 1980 "The Study of Balkan Admirativity: Its History and Development", *Balkanistica* 6, 7-30.
- Friedman, V.A. 1981. "Admirativity and Confirmativity", *Zeitschrift für Balkanologie* 17/1, 12-28.
- Friedman, V.A. 1982 (a). "Reportedness in Bulgarian: Category or Stylistic Variant?", *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics* 25-26, 149-163.
- Friedman, V.A. 1982 (b). "Admirativity in Bulgarian Compared with Albanian and Turkish", Kosev, D. (ed.). *Bulgaria: Past and Present*, vol. 2, Sofia: BAN, 63-67.
- Friedman, V.A. 1986. "Evidentiality in the Balkans: Bulgarian, Macedonian and Albanian", Chafe, W. and Nichols, J. (eds). *Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology*, Norwood/New York: Ablex, 168-87.
- Friedman, V.A. 1988. "The Category of Evidentiality in the Balkans and the Caucasus", Schenker, A. (ed.). *American Contributions to the Tenth International Congress of Slavists, Linguistics*, Columbus: Slavica, 121-139.
- Friedman, V.A. 1999. "Evidentiality in the Balkans", Hinrichs U., (ed.). *Handbuch der Südosteuropa-Linguistik*, Wiesbaden: Harrassowitz, 519-544.
- Friedman, V.A. 2000. "Confirmative/Nonconfirmative in Balkan Slavic, Balkan Romance, and Albanian with Additional Observations on Turkish, Romani, Georgian, and Lak", *Evidentials*, 329-66.
- Friedman, V.A. 2001. "Hunting the Elusive Evidential: The Third-Person Auxiliary as a Boojum in Bulgarian", Friedman, V.A. and Dyer, D.L. (eds.). *Of All the Slavs My Favorites: In Honor of Howard I. Aronson. Indiana Slavic Studies* 12, 203-230.
- Friedman, V.A. 2003. "Evidentiality in the Balkans with special attention to Macedonian and Albanian", Aikhenvald, A. and Dixon, R.M.W. (eds.). *Studies in Evidentiality*. Amsterdam: Benjamins, 189-218. (Typological Studies in Language 54).
- Guentchéva, Z. (ed.). 1996. *L'énonciation médiatisée*. Louvain/Paris: Peeters.
- Guentchéva, Z. et Landaburu, J. (eds.). 2007. *L'énonciation médiatisée II. Le traitement épistémologique de l'information: illustrations amérindiennes et caucasiennes*, Louvain/ Paris/Dudley/MA: Peeters.
- Jakobson, R.O. 1957. *Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb*, (Russian Language Project. Department of Slavic Languages and Literatures), Harvard University.
- Joseph, B.D. 2003. "Evidentials: Summation, questions, prospects", Aikhenvald, A. and Dixon, R.M.W. (eds.). *Studies in Evidentiality*, Amsterdam: Benjamins, 307-327. (Typological Studies in Language 54).
- Kehayov, P. 2008. "Interactions between grammatical evidentials and lexical markers of epistemicity and evidentiality: a case study of Bulgarian and Estonian". (This volume).

Лексические и грамматические показатели эвиденциальности

- Levin-Steinmann, A. 1999. "Der bulgarische Renarrativ und der Mythos von der selbständigen grammatischen Kategorie", Tošović, B. (Hrsg). *Die grammatischen Korrelationen*, Graz: GraLiŠ, 151-164.
- Levin-Steinmann, A. 2004. *Die Legende vom bulgarischen Renarrativ. Bedeutung und Funktion der kopulalosen l-Periphrase*, München: Sagner. (Slavistische Beiträge, Bd. 437).
- Plungian, V.A. 2001. "The place of evidentiality within the universal grammatical space", *Journal of Pragmatics* 33/3, 2001, 349-357.
- Roth, J. 1979. *Die indirekten Erlebnisformen im Bulgarischen: Eine Untersuchung zu ihrem Gebrauch in der Umgangssprache*, Wiesbaden: Sagner. (Slavistische Beiträge 130.)
- Schlichter, A. 1986. "The Origins and Deictic Nature of Wintu Evidentials", *Evidentiality*, 46-59.
- Stoyanova, I., Koeva, S., Lesseva, S. 2006. "[Applying and analysing Brown corpus model for Bulgarian](#)", *Presentation at The Third Inter-Varietal Applied Corpus Studies (IVACS) group International Conference on "LANGUAGE AT THE INTERFACE" 23rd – 24th June 2006, Nottingham, UK*. Published in www.nottingham.ac.uk/english/IVACS/ivacs-stoyanova-koeva-lesseva.ppt (24.01.08).
- Sinclair, J.E. 1996. "Preliminary recommendations on Corpus Typology". EAG – TCWG – CTYP / P. Version of May, 1996. Published in <http://www.ilc.cnr.it/EAGLES96/corpusTyp/corpusTyp.html> (24.01.08).

Сокращения к литературе

- Evidentiality – Chafe, W., Nichols, J. (eds.). 1986. *Evidentiality: the linguistic coding of epistemology*, Norwood: Ablex.
- Evidentials – Utas, B. and Johanson, L. (eds). 2000. *Evidentials in Turkic, Iranian and Neighbouring Languages*, Berlin; New York: Mouton de Gruyter. (Empirical approaches to language typology 24).
- БЕ – «Български език».
- БЕР – *Български етимологичен речник*. Том I-. София: БАН, 1979-.
- ВЯ – «Вопросы языкознания».
- МЈ – «Македонски јазик».
- СЕ – «Съпоставително езикознание».

Использованные произведения

- Йовков, Ако можеха да говорят – Й.Йовков. Ако можеха да говорят (сборник разказов), (2).
- Йовков, Грехът – Й.Йовков. Грехът на Иван Белин, (2).
- Йовков, Другоселец – Й.Йовков. Другоселец, (2).
- Йовков, Песента на колелетата – Й.Йовков. Песента на колелетата, (2).
- Йовков, По жицата – Й.Йовков. По жицата, (2).
- Константинов, Бай Ганю – А.Константинов. Бай Ганю, (1).
- Константинов, До Чикаго и назад – А.Константинов. До Чикаго и назад,

- (1).
Стоянов, Записки – З.Стоянов. Записки по български въстания, (1).
Чудомир, Провинциалистки – Чудомир, Провинциалистки, (3).
Simon Ray Martin, Грешницата – Simon Ray Martin. Грешницата, (3).

Приложение. Произведения, вошедшие в корпус

Периоды⁴⁰:

- I. Литература от Освобождения до конца Первой мировой войны (1878-1918);
- II. Межвоенная литература;
- III. Литература после Второй мировой войны (современная литература).

Бонев, С. Формуляр No. 8, (III).
Вазов, Ив. Митрофанов и Дормидолски, (I).
Вазов, Ив. Под игото, (I).
Дамянов, М. Честта на затворника, (III).
Пелин, Е. Гераците, (II).
Константинов, А. Бай Ганю, (I).
Константинов, А. До Чикаго и назад, (I).
Константинов, А. Миш-Маш, (I).
Константинов, А. Разни хора, разни идеали, (I).
Лазаров, П. Български глас, (III).
Минков, С. Алхимия на любовта, (II).
Радичков, Й. Разкази: Верблюд, Свирепо настроение, Суматоха, Убий мухата!, (III).
Йовков, Й. Ако можеха да говорят (сб.), Женско сърце (сб.), Песента на колелетата (сб.), Старопланински легенди (сб.), Те победиха (сб.), Албена, Грехът на Иван Беллин, Другоселец, По жицата, (I).
Симов, С. Болезнени видения, (III).
Спасов, С. Село на баир (отрывок), (III).
Стоянов, З. Записки по български въстания, (I).
Тренчев, С. Хипнозата (отрывок), (III).
Хайтов, Н.. Мъжки времена, (III).
Ценов, Ч. Танто за кукуригу, (III).
Чудомир, Провинциалистки, (III).
Simon Ray Martin, Грешницата, (III).

⁴⁰ В основе – классификация электронной библиотеки Slovo.bg

Maksim Makarcev

**On the relation between lexical and grammatical evidential markers in
Bulgarian
Summary**

In the article the link between some Bulgarian evidential lexemes and grammatical evidentials is shown. A classification for evidential lexemes is made. I dwell upon the verb *kazvam/kaža* and the particles *kaj* and *maj* in different contexts. Theoretically the analysis is based on Kehayov's division of *analytic* and *holistic* reading. Using direct or indirect evidentials after *kazvam/kaža* depends on the speaker's intention and on the time plan of the narration as well. When used together with the verb, the grammatical evidentials can change their meaning from purely reportative to epistemic, and here both analytic and holistic reading are possible. *Kaj* is reportative and non-obligatory. When used together with the grammatical evidentials, *kaj* takes the quotative/reportative part of the meaning and in the evidentials epistemicity becomes the primary meaning. *Maj* interiorise the information, but besides that it veils the speakers's position, which can be compared with the specific Balkan tendency to avoid determination.

An interesting case of 'double renarration' ('X said, that Y said, that *p*') is also analysed. In Bulgarian it has some special peculiarities which have not been previously studied.

As far as the grammar evidentials together with the evidential lexemes can express epistemicity, one has to agree, that the link between the lexemes and the evidentials should be analysed with the help of the *semiotic* term "multiple reading". Thus we speak not about some straight grammar rules but more likely about nuances and tendencies.